

О своем лагерном сроке, ссылках и побегах Алексея Гастева и Гражданской войне на Украине

<http://5.45.120.107/talks/orh-534-535>

🎙 10 февраля 1976

Собеседник

Гастева Софья Абрамовна

Ведущий

Дувакин Виктор Дмитриевич

Дата записи

Беседа записана 10 февраля 1976 и опубликована 30 сентября 2019.

Введение

Во второй беседе Софья Гастева рассказывает о своем заключении и ссылках Алексея Гастева. В 1939 году она была арестована и приговорена к пятилетнему сроку в Потьминских лагерях. Ее рассказ о лагере поражает абсурдностью и бесчеловечностью происходящего. Софью Абрамовну законтрактовали в качестве дежурной на железнодорожной станции, но при этом не расконвоировали. В итоге ей пришлось работать в подконвойной бригаде на расчистке и ремонте железнодорожных путей. Во время этих работ она сильно заболела и волей случая была активирована по состоянию здоровья, однако ее освобождение сильно затянулось. После этих воспоминаний Софьи Абрамовны о советском лагерном опыте кажется удивительным описание многочисленных ссылок, в которых оказывался Алексей Гастев при царской власти. Находясь в ссылках, Гастев получал пособие, занимался репетиторской деятельностью, устраивал собрания ссыльных, читал военные и политические обзоры, построил целый «флот» плоскодонок для побега и научился печь хлеб. Он совершил несколько побегов, жил на нелегальном положении, организовывал стачки рабочих, много раз арестовывался, но ни разу не получил каторжный срок.

Завершается беседа рассказом о поэзии Гастева и описанием жизни на Украине во время Гражданской войны.

Благодарим Алексея Ткаченко-Гастева и Галерею «На Шаболовке» за любезно предоставленные фотографии.

Арест и лагерь

Виктор Дмитриевич Дувакин: Софья Абрамовна, в прошлый раз вы рассказали всю вашу биографию до момента того, как вы встретились с Гастевым, как вы поженились, до ареста Гастева. Я просил вас пунктиром сказать, что с вами дальше было, но записывать подробности нам не нужно. Значит, мы остановились на том, что вы сидели на Лубянке, потом вас отправили в Лефортово, так? После того как вы поскандалили со следователем, вас отправили в Лефортово. Где же вы дальше отбывали арест? Уже без подробностей расскажите, а потом мы перейдем к другому.

Софья Абрамовна Гастева: В Лефортово меня держали (подробности я говорить не буду) примерно все лето, а к осени в конце концов они закончили это дело.

В. Д.: Это осень 39-го уже?

С. Г.: Да, это уже 39-й год.

В. Д.: Осень 39-го. И какое же вы получили?..

С. Г.: Получила... Вот когда перевели в Бутырки...

В. Д.: Из Лефортово в Бутырки?

С. Г.: Да.

В. Д.: И сколько же вам присудили, дали или назначили?

С. Г.: И там нас вызывали всех. Не одну меня перевели, а группами переводили. Нагрузили «черный ворон» и привезли всех. Там есть так называемый вокзал, и там мы ждали. Нас вызывали по очереди, каждый подписывался под своим приговором и сроком, и говорили, куда поедет.

В. Д.: Так что же вам назначили?

С. Г.: Мне назначили пять лет.

В. Д.: Концлагеря или тюрьмы?

С. Г.: Концлагеря.

В. Д.: Концлагеря. Какого? Где?

С. Г.: В П^отьме.

В. Д.: В Потьме?

С. Г.: Да. Так он и называется Потьминский.

В. Д.: Да-да-да. Там вы и отбывали?

С. Г.: Да, там я и отбывала.

В. Д.: Значит, пять лет: с 39-го года по осень 44-го.

С. Г.: Нет, засчитывается предварительное заключение. Это было в самом конце 43-го.

В. Д.: 43-го. Что же, вас после этого сразу выпустили? Или вас оставили до конца войны?

С. Г.: Нет, меня выпустили. Не выпустили, а сначала перевели в лагерь, якобы я уже как свободная сижу, потому что была война, нельзя было отправлять. Нужно было, чтобы кто-то из родных приехал за тобой.

В. Д.: Ага, понятно.

С. Г.: А за мной приехать некому было. Я там еще побыла какое-то время, а потом наступали октябрьские праздники, и нас решили, очевидно, выдворить всех. Нам дали групповые пропуска. Допустим, одни едут, не знаю, куда там, далеко.

В. Д.: А в Москву давали?

С. Г.: В саму Москву не давали и не давали Московскую область, но так как я была активирована в лагере...

В. Д.: «Активирована» — это что значит?

С. Г.: Активирована по состоянию здоровья. Я очень там болела, у меня была злокачественная малярия и еще разные заболевания.

О Потьминских лагерях

Уже самое последнее время я работала на паровозном пункте так называемом, почти у самой Потьмы. Вообще этот лагерь дальше за Потьмой, в лесах там. Там своя ветка существовала. Потьма — это станция, через которую проходят...

В. Д.: В Среднюю Азию.

С. Г.: В Среднюю Азию идет поезд, а оттуда начинается, через какое-то там небольшое расстояние, может быть, два километра, может быть, немножко больше, начинается уже земля лагерная. И там существует...

В. Д.: Железнодорожная ветка?

С. Г.: Существует такой пункт, который обслуживали только мужчины большей частью. Существует такая «кукушка» — железная дорога.

В. Д.: Понятно, ветка железнодорожная.

С. Г.: Ветка внутренняя, лагерная уже, потому что было двадцать шесть или двадцать восемь пунктов, я точно уже сейчас не помню.

В. Д.: В пределах Потьминских лагерей.

С. Г.: Да, это целая область. Там работали. Туда доставляли ведь материалы всякие и продовольствие тоже, хоть мало кормили, но все-таки доставляли кое-что. Я работала, меня законтраковали, и я должна была перейти в ведение государственной дороги.

Работа в лагере на железной дороге

В. Д.: Ага, значит, вы были законтракованы, отпущены на свободу, но законтракованы.

С. Г.: Нет, я не была еще тогда, но просто меня... Ну, у них не было рабочей силы.

В. Д.: Как бы запродали из лагеря, да?

С. Г.: Как бы в наем.

В. Д.: Понятно.

С. Г.: Там нужны были стрелочницы в основном и еще какие-то подсобные рабочие. И нужен был человек — не то, что начальник станции, а...

В. Д.: Дежурный?

С. Г.: Дежурный по станции. Ну, нужно было человека интеллигентного, которого можно было подготовить в течение месяца для приемки поездов. А так как я там все время работала на всяких таких слесарных, электромонтером работала и так далее, то начальник вызвал меня — вот у него, мол, такой человек есть, вполне грамотный. Нас законтраковали и сказали, что вызовут.

Прошло больше полугода, никто никого не вызывал. Мы даже думать забыли про это, решили, что это утка была очередная. И вдруг нас вызвали. Причем вызвали в самую ужасную осень! Там страшные ветра вообще, стоит грязь, мокрота и холод. Ну и привезли туда, но нас никого еще не расконвоировали, для того чтобы работать на железной дороге. Конвой ведь не может работать. Могут только те, которые в зоне работали какую-нибудь работу на этом пункте. А работать на ветке, где нужно ездить, да тем более поезда принимать.

В. Д.: Нужно быть обязательно расконвоированным.

С. Г.: Нужно быть обязательно расконвоированным. А весь контингент набрали не из жен тогда, по-моему, жена была я одна единственная.

В. Д.: Жены врагов народа.

С. Г.: Да, а набрали — ведь тогда нас уже немножко разжижили, так сказать. Там были вот эти спекулянтки, которые хлеб, соль продавали, знаете?

В. Д.: Ага. И указники¹, нет?

¹ Указник — тот, кто осужден не на основании действующего уголовного кодекса, а по указам, пока не вошедшим в него.

С. Г.: И указники по...

В. Д.: По 32-му году.

С. Г.: Опоздания.

В. Д.: Опоздания, прогулы и так далее.

С. Г.: Да, черт знает за что мальчиков, девочек сослали. Конечно, много таких, я бы сказала, по преимуществу уличных женщин.

В. Д.: А, и проститутки были.

С. Г.: И проститутки, и разные были. Нет, среди заключенных это были неквалифицированные, но они спекулянтки были. Вот она идет, хлеб, соль выкупает, продает. Может быть, она действительно и какой-то оборот делает — бог знает. Но вот их по спекуляции. Большинство получали по семь лет вообще, все вот эти спекулянтки, потом вот указники. Это было наводнение! Причем молодежь, молодежь, а мальчики помирали прямо пачками. Невыносимые были.

В. Д.: Так ведь еще же голодные были.

С. Г.: Голодные! В общем, стали забирать всех их. Сначала забрали тех, — преимущественное большинство, — которые стрелочницы. Там очень простая подготовка. Их там готовили, и они уже имели только то отношение, что железная дорога

отвечает за их целость, так сказать, что они не уйдут. А там они уже жили по сторожкам, по будкам, и все.

А меня что-то не вызывают и не вызывают. Пока мы там грузили — угля-то не было, топились паровозы эти наши дровами. Там лесоповал был. Вот этими бревнами. Громадные бревна. Так там сидеть ни одного дня нельзя без работы, знаете. И нас посылали всю эту осень, пока мы ждали, но это не очень долго было...

В. Д.: На лесоповал вас посылали?

С. Г.: Нет! Нас если посылали на лесоповал, то только собирать сучья. Туда не посылали вообще. Просто тут же стоит паровоз, его нужно дальше отправлять, а топлива нет у него.

В. Д.: Значит, пилить и грузить?

С. Г.: Там целыми бревнами куда-то перевозили — я не знаю.

Бревна мы ворочали, бревна надо было подымать на паровоз. Что с ними делали, я не знаю. Было не до того просто, потому что руки никак не могли совладать с этой работой.

Потом к нам приехала нарядчица, которая с нашего пункта. Я ей говорю: «Что же это, всех вызывают, а меня не вызывают?» Мы записываем?

В. Д.: Да.

С. Г.: Ну ладно, я не буду говорить об условиях. Не нужно, может быть?

В. Д.: Говорите постепенно, как говорится, только короче просто.

С. Г.: Она говорит: «Ведь ты знаешь, тебя не расконвоировали». Отказали расконвоировать. Должен ведь расконвоировать НКВД, а нас не расконвоировали вообще. Уже во время войны были исключения.

В. Д.: А почему же вас не расконвоировали?

С. Г.: Да потому что — бог их знает — статья, во-первых.

В. Д.: У вас была 58-я?

С. Г.: У нас у всех была, конечно, 58-я. У нас была формулировка: «член семьи врага народа». Может быть, характеристика, что я со следователем скандалила. Бог их знает!

В. Д.: Так, ну и что же?

С. Г.: Я говорю: «Ну и что же? Я поеду обратно?» Она говорит: «Нет, нельзя, ты уже законтрактована». Понимаете, за меня уже внесена определенная сумма.

В. Д.: Но это еще в пределах вашего пятилетнего срока?

С. Г.: Обязательно. Ну вот, и я там осталась. Дня два прошло, и меня послали, там конвойную бригаду организовали, потому что зима наступала. Во-первых, мелкий ремонт железнодорожных путей, во-вторых, очистка. Кюветы надо чистить и все такое. А там снежно и ветрено — страшно. Создали конвойную бригаду. Вначале ее создали еще до того, как те уехали по своим местам. Там женщины больше ходили, но командовал нами бригадир. Там преимущественно была 59-я статья.

В. Д.: А 59-я — это что такое?

С. Г.: Бандитизм.

В. Д.: Ага, то есть уголовники.

С. Г.: Я вам скажу — там были и не уголовники, тоже молодые, потому что некоторые...

В. Д.: Национальные какие-нибудь партизаны, бандиты партизанско-национального характера Литвы, Украины — что-нибудь в этом роде?

С. Г.: Нет, там просто было очень много молодых людей. Бог их знает, может, они дезертиры. Никто ведь не спрашивал, не заведено это было. Да никто и не интересовался, по правде говоря. А мы знали, что этот пункт... Там здоровые мужики нужны: кочегары, машинисты, помощники машинистов. Конечно, там нужны были здоровые мужчины.

В общем, пути тоже надо чистить. Главное — надо ремонтировать и надо чистить. Главное — кюветы, ведь там снегу бог знает сколько наваливается. Так создали бригаду. У нас бригадиром был молодой парень. Я бы сказала, что он гораздо лучше относился по крайней мере ко мне, чем вот эти самые бабы, с которыми я ходила. Он просто жалел. Он видел, что за собой надо тащить лом, лопату, кайло — все это, чтобы чистить там. В шесть часов утра — развод, уходят уже, а развод в пять начинается.

В. Д.: А вам в то время было сорок с небольшим?

С. Г.: Сорок лет мне было. Нет, больше — сорок два там, не знаю, сорок три.

Болезнь и актация

Было очень трудно совладать с этой работой, и я отморозила очень быстро руки и ноги. Ну и я там очень сильно стала болеть.

В. Д.: И вот тогда вас сактировали?

С. Г.: И тогда меня совершенно случайно сактировали. С актацией была такая история.

Были так переполнены тюрьмы, было так много людей, которые не могут работать, хоть убей их на месте, просто уже выношенные, что они лежали на нарах. А все ж таки хоть мало, но кормить их как-то нужно, и место-то было все занято.

В МГБ выработали какой-то приказ об актации. Причем только потом мы узнали, что этот приказ был издан для уголовных, а 58-й статьи он не должен был коснуться. Понимаете, в таком месте, где никогда не бывает ошибок, тоже бывает ошибка: они забыли внести этот пункт.

В. Д.: Оговорку.

С. Г.: Оговорку. И поэтому в лагерях, которые были... И разослали по лагерям. Конечно, ведь все это делается очень медленно: пока пошлют, пока придут, пока что... Понимаете, по местам, которые близко от центра... Потьма ведь (тогда медленнее шли поезда) — это меньше двадцати четырех часов езды, это близко, за Рязанью.

В. Д.: Я знаю, это Горьковская область.

С. Г.: Да, это порядочно за Рязанью, но все ж таки это близко. Так туда пришел этот приказ, и там успели провести. Причем там было указано, что актация не для всех, а для заключенных с определенными сроками: до пяти лет, что ли, до восьми лет. Я не знаю, не помню точно.

В. Д.: Словом, вас сактировали.

С. Г.: Меня сактировали. Одну партию при мне пропустили. Они откуда-то ехали. Между прочим, туда вошли жены тоже, которые имели три года и, кажется, пять лет. Тех сактировали, и одна партия при нас проехала.

Когда я пришла с работы... Мы ходили работать. Ведь утром уйдем в пургу, в буран сильный, как на грех стояли жуткие морозы в ту зиму.

Мы уйдем в шесть часов утра и ходим, иногда десять километров пройдем, там работаем, а потом обратно.

Мы обедали уже вечером, то есть затемно совершенно мы приходили и шли прямо в столовую. Весь лагерь укладывался спать. В общем, они успевали.

Я там отморозилась, и так как это место малярийное, я получила злокачественную малярию. Она меня трепала жутко. Я чувствовала, что меня пробирает всю, но что тут сделаешь — ничего не сделаешь! И я пришла совершенно уже больная, абсолютно. Я даже почти уже не осознавала, и я не пошла ни в столовую, никуда. Как была, так я пошла в медпункт. В каждом лагере имеется медпункт.

В. Д.: Понятно.

С. Г.: Я пришла туда. Вообще там вечерами к врачам ходит много народу. Там даже есть такой неписанный закон: работает, работает, даже у него ничего не болит или у нее, но он все ж таки пойдет. Если врач в настроении, он даст освобождение на день или на два.

В. Д.: Понятно.

С. Г.: Поэтому всегда много. Там все-таки очень истощенный народ, голодный, страшно истощенный, мерли почем зря. Ну и я пришла прямо на этот пункт. Всегда там полно. Правда, я мельком обратила внимание, что там совсем никого нет, пусто, но свет горит. Я пришла и села, просто повалилась на скамейку и сажу. Ни звука, ни человеческого голоса, никто не приходит, никто не уходит, ну и до меня уже не доходит.

Только меня стало разогревать, озябшая страшно была, и в это время кто-то вошел. Я чувствую, что около меня человек стоит. Открываю глаза — стоит мужчина, причем я его знала в лицо. Это был заместитель начальника медчасти всех этих лагерей. Там был какой-то мужчина — фамилии не знаю. А это был Левин, доктор Левин. Причем брат его был не на этом, а на другом пункте, на котором я работала вначале, на первом пункте он был начальником лагеря. В общем, этот Левин, как вам сказать, был...

В. Д.: Он пожалел вас.

С. Г.: Он пожалел. Он врач все ж таки, но он у нас не был врачом. У меня даже в мыслях не мелькнуло, почему он здесь. Мало ли, начальство, они ездят, бог их знает, что они там инспектируют. Он говорит: «А что вы здесь делаете?» Я говорю: «Я пришла с работы». Он: «С какой работы?» Я говорю: «Я работаю на железной дороге на очистке путей». Он: «А как вы сюда попали?» Я ему сказала коротко, как я попала, что меня задержали здесь, потому что надо же использовать, а обратно не пускают. Значит, меня здесь используют в конвойной бригаде, раз не расконвоировали. Говорит: «А что с вами? Почему вы сюда именно пришли?» Я говорю: «Потому что я не могла уже дойти, все равно есть я не хочу. Меня очень трясет,

мне очень плохо».

У меня еще были... Там носили такие чуни: сверху ситец, а внутри вата стеганая. Вроде валенок таких сделанные, пошитые. А сверху вместо галош (галош же не было) из шин старых, отработанных, от машин такие громадные, знаете...

В. Д.: Понятно.

С. Г.: Это надевалось сверху и давало возможность ходить. А то ведь ходить не в чем, валенок же нет ни у кого. Ну и я ходила в таких. А вообще это работа такая, на которой работать непрерывно и без костра нельзя, просто физически невозможно. Поэтому бригадир часто разводил костер, и были определенные часы, по которым был перекур так называемый. Мы садились у костра.

” Так как я маленькая, а работала я в кювете внутри, конечно, мне насыпалось снегу очень много в эти чуни и всюду, а потом, когда был перекур, меня очень трясло. Я села погреться поближе и не обратила внимания, вот так держала ноги поближе к костру, а мне паром прихватило ногу.

Там было всякое: и лом я не могла держать, у меня песок сыпался внутри, в крови. Врачи дали один раз освобождение. Врачи свои же, между прочим, женщины, но так очень недоверчиво относились: «Что это за заболевание? Ничего у вас не видно». А у меня не держит рука. Я не могу ее даже согнуть, не то что держать! Два раза дали освобождение, а...

В. Д.: А что же Левин с вами сделал?

С. Г.: Левин? Он меня спросил: «А чего ж вы пошли на работу, если вы больны?» — «А потому что уже нечего ходить к врачам. Они не верят, не дают освобождение, и я вынуждена идти на работу». — «Так давайте я вас посмотрю».

Вся эта кацавейка, все это на булавках держится кое-как, я не могу расстегнуть никак, совершенно руки уже не владеют. Он взял, помог мне расстегнуть. Когда я открыла ему, так он вот тут под грудью... Вы знаете, тут у человека место такое, не нащупаешь никак, это нельзя взять в руки. Вы свою собственную [кожу] тоже не сможете взять, вот под грудью тут гладкое такое тело. Это не возьмешь руками, потому что кожу не возьмешь.

В. Д.: Ну, так-так.

С. Г.: А он взял вот так рукой и оттянул. Вот вы курицу когда видели?

В. Д.: Понятно, понятно.

С. Г.: Вот как куриная эта. «Ой, — говорит, — знаете, посидите немножко». Он ушел, принес тетрадку и говорит: «Вы знаете, что я здесь делаю?» Я говорю: «Нет, не знаю». — «Мы приехали с комиссией активировать народ. Так вот я начну. Мы еще не собирались сейчас, но...»

В. Д.: И он вас сактировал?

С. Г.: При мне он сел и начал писать, не закрываясь так, как там принято, — не дай бог, чтоб эка там что-нибудь увидел! И там была разграфленная тетрадка. Было написано там — фамилия, ну все, что полагается в этом. В конце графа «актация» и следующая графа — «стойкая». Есть активирование стойкое. Есть болезни стойкие, которые не могут поправиться в короткий срок. И он при мне заполнил, я ему только сказала свою фамилию, имя, отчество. Все остальное ему не нужно, он сам видит. Он все написал, и я видела, он вроде так нарочно положил, чтоб я прочла: активируется, нетрудоспособность стойкая.

Я открыла этот список активированных. Этот список потом идет куда-то в суд местный или — не знаю. В общем, прошло еще после этого очень много времени, еще вся зима, еще целое лето. Но он мне сказал одно: «Больше вы на работу не пойдете».

В. Д.: И вас не выгоняли на работу?

С. Г.: «Больше вы не пойдете с этой бригадой на работу». Я говорю: «Ну, вы уедете... Как это я не пойду? Нарядчик из меня котлету сделает!» Он говорит: «Нет, я распорядюсь». — «Да, вы распорядитесь! Вы завтра уедете, а я останусь здесь, и на работу пойду как миленькая. Ну, может быть, пару дней дадут». Причем лазарета нет лежащего на этом пункте. Он говорит: «Нет, я буду приезжать, я буду вас лечить и следить за вами. Я вас уложу в бараке. Вы будете лежать, а потом, когда вы поправитесь, я...»

А тут еще у меня на ноге болело, но я не обращала внимания. Когда в темноте одеваешься, в темноте раздеваешься — чувствовала, что нестерпимо наступить, больно, а что там — неизвестно. А там оказалось: палец большой стал, как кулак, вот такой, красный, и потекла опухоль наверх. Он как посмотрел... Не знаю, там есть центральный лазарет, где находится все начальство, почему-то он меня туда не отправил, а решил здесь. Может быть, это было и остроумнее с его стороны. В общем, он приезжал, следил, чтобы перевязывали.

Я пролежала долго, промоталась с этим, потому что местные наши врачихи, тамошние жены, которые работали: «Ой, ты уже доходяга, ты уже готовься к могиле». Действительно, потекла опухоль наверх. И до весны... Я помню, уже снег сошел, солнышко пригревало, и я первый раз выползла просто на территорию этого...

В. Д.: Из этого лазарета или медпункта?

С. Г.: Нет! Я просто лежала в бараке.

В. Д.: Но вас эти бригадиры не гнали уже?

С. Г.: Нет, не гнали на работу. Он приезжал, следил, вообще у меня самая лучшая память о нем. Он действительно спас мне жизнь.

В. Д.: А он был начальством все-таки?

С. Г.: Как же! Он заместитель начальника медчасти всех лагерей. Он мог распоряжаться, если человек болен. Это в его компетенции.

Все ж таки человек, когда уже зарастает, — это живо потом, а у меня, если порежусь или что, быстро заживает. Пошла на поправку, у меня это стало все заживать. Малярия, конечно, осталась, но раз я уже не ходила в лес и...

В. Д.: В общем, вы поправились.

Работа на кухне

С. Г.: Да, стала поправляться. Потом он говорит: «Знаете что, конечно, вам голодно, я вас пошлю на работу. Пойдете на кухню работать?» Это была там мечта — пойти на кухню! Но вообще нас не брали на кухню. В самих лагерях, когда мы жили одни, там волей-неволей, другого народу не было, там были такие люди, которые были более угодны начальству, они назначались на кухню. Так вообще нас не брали на кухню, а обслуживали только уголовные. Воры они жуткие, конечно, черт знает что. И так-то паек бог знает какой, а они...

В. Д.: Обкрадывали?

С. Г.: Да. В общем, я пошла туда работать. Ирония судьбы, только с иронией можно сказать: там существовало ударное питание. В чем оно заключалось? Это для тех, кто делал 200%: кто там в лесу работали, кто там вышивал, кто шил. Если делал 200%, так отпускали вечером немножко винегрета. Как приготавливался этот винегрет для ударников, так повара ноль внимания обращали на это: не чистили, отварят и крошат гнилое. Но это было благоденствие, потому что там входила иногда капуста, иногда что-нибудь такое... Так вот я вначале готовила этот салат для...

В. Д.: Ну, в общем вы работали на кухне.

С. Г.: Я работала на кухне, а потом меня сделали ночным поваром. Там проворовался, что-то согрешил повар ночной. Был скандал какой-то, и вдруг пришел начальник и говорит: «Пойдете ночным поваром?» Я говорю: «Я боюсь, я не справлюсь». Там две тысячи человек, нет, меньше, по-моему, тысяча человек с чем-то, и нужно, чтобы к пяти часам утра было готово. Ночью заступаешь. Он: «Будут вам помогать». Это там разрешается. Приходят с лесоповала люди, стоят и ждут, кого из них повар выберет. Двоих надо на помощь или иногда троих.

Надо воду принести, надо помыть все эти котлы, много чего надо, работы невпроворот. Где же я там управлюсь? Конечно, не управлюсь. Во-первых, котлы громадные, они впаяны, надо на ступеньки эти. Мешать даже кашу в этом котле было трудно, но все ж таки этой работой я могу гордиться. Там был прямо фурор, как я сварила из этих продуктов: из соленых помидор полуиспорченных и больше ничего... Ну, там дают подсолнечное масло, дают соль, муку, яичный порошок, что-то на заправку — в мизерных количествах. Но повара этого не клали. Солью они тогда торговали, потому что было бессоленное время. Это было прямо бедствие, все ели несоленное. Из порошка они себе делали на компанию яичницу. Словом, все, что было можно, они съедали. А старший повар, главный наш, когда он...

В. Д.: Вы не увлекайтесь подробностями.

С. Г.: А, ну ладно, это так — женская манера. В общем, я там работала какое-то время. Только потом приехали какие-то уголовники, среди них были женщины определенного типа, и одна таки на мое место попала, и меня отчислили от кухни. Ну, уже было, я все ж таки...

Освобождение

В. Д.: А актация-то как же? Активировал же он вас?

С. Г.: А это должно было пройти время.

В. Д.: Значит, вы работали на кухне, и все это пока проходило.

С. Г.: Время все шло. Мы решили, мы же знаем, как это все двигается...

В. Д.: В конце концов додвинулось до вас?

С. Г.: А потом вдруг вторую партию стали отправлять, и я попала в нее. Заявили, что мы освобождаемся, оформили, но не выпустили, а отправили на заброшенный пункт, который вообще не... Там много их было. Там раньше беспризорники жили, дети, юноши молодые. Там много осталось заброшенных пунктов всяких. Так на какой-то заброшенный пункт, который для инвалидов отвели, нас отправили до того... Если, скажем, завтра за мной приедет брат, муж, сын или кто у нас есть, то отпустят. А не приедет — копти и копти. Почти не кормили, и мы ходили по деревьям и все с себя снимали. У кого что-нибудь было из домашних вещей, меняли. Там народ тоже плохо жил. Меняли на картошку, на что можно было менять, больше у них ничего у самих не было.

В. Д.: Это мордва там уже? Нет?

С. Г.: Мордва там. Плохо они жили, очень плохо. Там я промучилась порядочно времени. И тоже не пускали так просто ходить каждый день, разносить заразу с собой такую. Должны были послать кого-нибудь от своих. Менять надо было, нечего есть

было. Надо было выпускать людей, а то умрут, пока разъедутся.

Прошло порядочно времени, месяц прошел, что ли, нету и нету. Я написала, сын тогда младший приехал сюда с университетом, но это совершенно не касательно с этим. В общем, он не мог. Ему было пятнадцать лет, только исполнилось тогда в марте. И ему сказала мать одного товарища, чтобы он не совался за пропуском, а то он пострадает сам. Это личная история, не стоит об этом говорить. В общем, некому поехать, не на что и все такое. А потом на наше счастье наступал праздник.

В. Д.: Октябрьский?

С. Г.: Октябрьский. Видимо, они решили разгрузить перед октябрём.

Стали собирать в группы тех, кто в одном направлении едет, и давать общий пропуск. Допустим, двадцать человек едут в одном направлении за Москву куда-нибудь, так вот дают им всем один пропуск.

Тогда же пропуска были. Если тебе нужно ближе, то ничего, а если дальше? Но мы — лишь бы выпустили! А я вообще не боялась: хуже нигде не будет! В конце концов я уехала сюда, то есть не сюда! Я вас вот к чему вела: активированным давали в области, не в самом городе, а в области. Допустим, если я жила в Москве, мне могли дать Московскую область.

В. Д.: И вы получили Московскую область?

С. Г.: Я получила Московскую область. Я взяла Павлов Посад. Кто-то мне там сказал, что какое-то знакомство есть. Человек цепляется — нужно же как-то. Расчет-то шел, конечно, не на то, чтобы пребывать там все время. В общем, я поехала с этой группой. Но кто-то с пропуском в сторону поехал, я осталась без пропуска и ехала уже с другими, за которыми там родители, за кем-то там дочка приехала. Она ездила как раз в Вознесенск, в Иваново.

В. Д.: Он назывался Иваново-Вознесенск.

С. Г.: При чем мать ее была старая большевичка, которая очень хорошо знала мужа.

В. Д.: Давайте хоть на этой закончим с вами.

С. Г.: Простите, я сбиваюсь.

В. Д.: Нет, вы просто, так сказать, расплываетесь немножко в сторону. Вот вы поехали, куда же вы приехали?

С. Г.: Я уже имела письмо от сына, что он находится в Москве. Университет был в эвакуации.

В. Д.: Частью, а часть была здесь. Я работал в Московской части.

С. Г.: Ну вот, уезжали они в Ашхабад, а потом переехали они в...

В. Д.: Свердловск.

С. Г.: В Свердловск. Из Свердловска он приехал сюда. А сын старший, который кончал университет, в это время уже ушел на фронт. Он оставил этого мальчика, которому было четырнадцать лет. Конечно, они работали, учились и работали, а это еще школьник был.

В. Д.: В Павлове Посаде вы не задерживались?

С. Г.: В Павлом Посаде меня не задерживали, но не прописывали.

Жизнь в Москве

В. Д.: А в Москву вы пробрались без прописки?

С. Г.: Я пробралась в тот день... Просто мне деваться некуда было! Когда приехали, тут мне повезло. Я все думала, как мне выйти из этого положения, как мне в Москве сойти с поезда, меня ведь перехватят! А не в Москве куда я пойду? Потому что тогда на дачные поезда тоже ведь нужен был пропуск — не пускали. Мало ли что у меня дача была, но эту дачу кто-то захватил. И куда я пойду? Там меня мигом сцапают. Так я решила ехать в Москву, конечно. Раз дали Московскую область, все равно надо через Москву, в Павлов Посад так не проедешь. И я решила, надо ехать.

Ехали не товарняком, а просто поезд с сидячими... Я вышла на площадку и стояла, чтобы отдышаться, душно было. Две шли кондукторши, девушки молодые, и они как-то приостановились. Одна говорит: «Слушай, сказать, что ли?» Другая говорит: «Ну, на что тебе сдалось!» А другая: «А, ну, сказать! Пожалуй, скажу!» Меня заинтересовало. У меня сразу мысль стала работать в этом направлении. Я сразу за ними пошла в вагон. «Граждане, кто едет в Москву, слезьте пораньше. Дачные пропуска отменены, там проверяют. Понимаете?»

(Перерыв в записи)

В. Д.: Продолжайте с того, на чем вы остановились. Последнее, что вы сказали, что кондукторша объявила: «Если кто в Москву, то слезайте раньше. Дачные пропуска отменены, там проедете». Где же вы сошли?

С. Г.: Я сошла в Раменском.

В. Д.: В Раменском, и из Раменского приехали в Москву. Где же вы остановились?

С. Г.: Я поехала просто туда на квартиру с сыном, с одним товарищем из университета, который учился с моим старшим сыном. Он там оставался, университет...

В. Д.: У него была своя легальная площадь в Москве?

С. Г.: Как же! Ведь наша квартира оставалась. Они ведь уехали в эвакуацию.

В. Д.: Ах, они уехали в эвакуацию, их не арестовывали?

С. Г.: Ну как же! Старший сын забрал младшего и поехал с университетом, а средний оставался. Средний потом ушел на фронт, это уже другое.

Софья Гастева с сыновьями Петром и Алексеем. Середина 1930-х гг. Собрание А. Ткаченко-Гастева

В. Д.: И стали вы жить нелегально в Москве?

С. Г.: Я стала жить нелегально в Москве, потому что младший... Жильцы этого дома, где мы жили, подавали в суд. Все женщины, которые там жили, сказали, что они берут уход за этим мальчиком, что они знают всю семью давным-давно, что дети здесь родились, что они будут его обслуживать, и чтоб ему дали там комнату.

В. Д.: То есть вернули ту комнату, которую...

С. Г.: Не вернули! Потому что этот энкавэдэшник уже переехал. Когда он уже был, он все ж таки сумел переехать. А что ему надо было суметь? Они делали, что хотели.

Подали в суд. Так судья отказал. Один на фронте, и другой на фронте. Один — неизвестно где, потому что он ушел, неизвестно где Леша, а Петя — был известен адрес его части, где он был. Ну, отказать просто младшему, еще несовершеннолетнему, ему только исполнилось пятнадцать лет! Он поступил уже в университет, потому что он просто сдал экстерном и поступил. А приняли его потому, что в комиссии были люди, которые знали нас, знали просто Гастева. Кто тогда Гастева в Москве не знал! И вообще знали нас лично. В общем, он поступил и начал учиться на мехмате.

Подали в суд в мое еще отсутствие. Судья присудил дать площадь равноценную, но не в этом доме, потому что этот уже захватил квартиру. А знаете, где ему дали? У нас была на углу Петровки и Рахмановского. Вы знаете, где Институт труда?

В. Д.: На углу Петровки и Рахмановского?

С. Г.: Да.

В. Д.: Нет, я не знаю, где это. А ему дали?

С. Г.: А ему дали... В Сандуновских банях испокон веку существовали номера. Так эти номера в последние годы уже не работали, потому что там проституция была жуткая. В общем, прикрыли эти номера. Конечно, раз были какие-то дырки, где можно жить, народ постепенно населялся каким-то образом. Жили там — всякая всячина, кто только хотите.

Так ему дали эти номера. Такое окошечко наверху, не топились, света не было, уборной не было. Вообще веселая жизнь была! Но ему там все же дали такую комнатушку.

В. Д.: И в эту комнатушку вы к нему приехали?

С. Г.: Вначале мы не были там, потому что он поехал с товарищем к матери, к ним домой. Он тамкакое-то время пробыл. А у нее была падчерица.

В. Д.: У кого? У матери его товарища?

С. Г.: Да, так он мальчик еще, и она говорит: «Зачем ты будешь там жить? Ты лучше живи у нас, а она пускай туда переедет». Он согласился, у него выхода другого не было, как соглашаться.

В. Д.: И вы стали жить в этом номере Сандуновских...

С. Г.: Нет, я ни одной ночи там не ночевала. Я посмотрела, что это, но это личный разговор, если вас интересует, я вам расскажу. Тут случилось такое, что даже...

В. Д.: Хорошо, давайте мы дальше...

С. Г.: В общем, мы в ту же ночь пошли туда ночевать, и я положила конец его проживанию там. Ну и я там полулегально жила, а ездила прописываться раз десять. Меня не прописывали. Не прописывают — и все.

В. Д.: Но не выслали с милиционером?

С. Г.: Откуда?

В. Д.: Из Москвы?

С. Г.: А откуда они знают?

В. Д.: Раз вы ездили прописываться.

С. Г.: Так я ездила, но меня не прописали, мне ничего там не делали. Мне просто говорили: «Мы вас не пропишем», — и все.

В. Д.: Все-таки вы оставались в Москве?

С. Г.: Я оставалась — у меня другого выхода не было.

В. Д.: Так или иначе где-то ночевали, так?

С. Г.: Я ночевала у сына. Там жильцы-то своей комнаты не могли найти, там никто не ходил, никого не проверял, темно было, ночь, все темно кругом.

В. Д.: И это еще шла война.

С. Г.: Шла война.

В. Д.: Вы остались в Москве, и больше вас не выслали?

С. Г.: Больше меня не выслали, но меня не прописывали. Когда я получила извещение о том, что погиб сын, получила с моим Юрой, потому что меня тут не было, а он как раз с университетом уехал в подсобное хозяйство. Они летом ездили там работать. А я получила. Я от него скрыла. Я не хотела ему говорить.

В. Д.: Ну, почему, надо было сказать.

С. Г.: Я не хотела. У него туберкулез был, пневмоторакс нарушен, и он очень нервный. И вообще он — до обожания брата старшего. И так это какое-то время тянулось, а потом там начинается уже другая история. Если хотите знать, в двух словах я вам могу сказать, что я осталась потом одна, не имея ни ночлега, ни работы, ни квартиры — ничего! И в таком виде я прожила около пяти лет.

В. Д.: Ни ночлега, ни работы, ни квартиры. И в таком виде прожили до самой смерти Сталина, да?

С. Г.: Нет, нет. Это я не хочу сюда. Это я вам расскажу, если вас интересует.

В. Д.: Но мне хочется закончить, поставить какую-то точку.

С. Г.: Ах, точку вы хотите!

В. Д.: Да, на вашей биографии.

С. Г.: Ну что же, в общем, я приехала, но определенного места у меня не было.

В. Д.: И жили в Москве? Работать вам когда-нибудь, ну, через год, два...

С. Г.: Я работала. Знаете, тогда было очень принято, надомницы делали всякую ерунду: красили, мазали, чего-то делали, какие-то косынки, какую-то ерунду. Причем зарабатывали бешеные деньги. А я у знакомых в другой квартире... У меня знакомых было много, но я к некоторым ходила, к определенному кругу. Так она просто домохозяйка, но она брала работу. Там рисунок наводили, а она должна была закрепить в каком-то растрове.

В. Д.: Одним словом, была у вас надомная работа.

С. Г.: Я ей помогала, и она мне время от времени давала сотню. Вот и все.

О реабилитации Алексея Гастева

В. Д.: Скажите, а об Алексее Гастеве вы все это время ничего не знали? Что с ним?

С. Г.: О сыне?

В. Д.: О муже.

С. Г.: Нет. То есть мы знали, сын ходил, справки наводил, всегда говорили одно и то же: десять лет без права переписки.

В. Д.: Десять лет без права переписки. Позднее вы узнали, что он уже был расстрелян?

С. Г.: А мы до сих пор не знаем, где и когда, то есть у нас есть много предположений. Люди говорили, бог знает где, что он там погиб, там-то, там-то. Мало ли что люди говорили. Но точно никому не известно. Насколько я понимаю, я сделала одну оплошность. Когда была реабилитация, я могла только два слова сказать, чтобы мне показали дело, и я бы хоть что-нибудь знала. Я в суматохе этой как-то упустила эту возможность. Но другие, которые смотрели дело, говорили, что там ничего не поймешь, там все было зашифровано, и сам черт не знал, какой дьявол их проглотил.

В. Д.: Ну и когда пошли реабилитации, уже после...

С. Г.: Это уже было... Я десять лет прожила, а тут так у меня вышло, что я с Юрой уехала в Тарту. Знаете, Юрьев бывший?

В. Д.: Знаю.

С. Г.: Он там стал работать, и я потом стала работать. В общем, мы там временно жили.

В. Д.: Значит, после вот этой эпопеи ареста и высылки вы еще работали?

С. Г.: А как же!

В. Д.: Кем вы работали?

С. Г.: Я работала, как это ни странно, в архиве.

В. Д.: Вот это интересно! В архиве чего?

С. Г.: В Эстонском государственном историческом архиве.

В. Д.: Долго работали?

С. Г.: Года два я продержалась, пока меня случайно не открыли.

В. Д.: И выставили? Когда открыли, то выставили, так?

С. Г.: Если вас будет интересовать, я могу рассказать, но только это не относится к...

В. Д.: Это не относится. Мне наконец хочется добраться дальше. В каком году вы узнали что-то о Гастеве?

С. Г.: Нам все говорили. Между прочим, я приезжала, когда жила в Эстонии, и ходила, и требовала, чтобы мне сказали, где и что. Мне всегда отвечали, что он жив, это знают точно, но не знают, где он находится. Когда началась реабилитация, они говорили, что подали розыск. А потом уже при нашей же помощи, мы сами занимались реабилитацией, не они, когда уже началась реабилитация, ему просто в ЦК Комаров сказал: «Не ищите, они всё врут, он погиб. Его нет в живых».

В. Д.: Эту эпопею с арестом вашим и Гастева закончите просто тем, когда наконец произошла реабилитация и что...

С. Г.: Реабилитация произошла в 56-м году.

В. Д.: Вас вместе реабилитировали?

С. Г.: Вместе.

В. Д.: Вы пенсию получаете?

С. Г.: Да.

В. Д.: За него?

С. Г.: Я получаю за него.

В. Д.: Персональная?

С. Г.: Персональная.

В. Д.: Персональная пенсия какого ранга?

С. Г.: Союзного значения.

В. Д.: Ах, даже так. Очень хорошо. Квартиру вам вернули?

С. Г.: Не вернули, а дали другую.

В. Д.: Дали другую. А потом уж вы разъехались и попали сюда, да?

С. Г.: Да.

Детство и юность Гастева в Суздале

В. Д.: Значит, с этим мы покончили. Это все очень интересно и нужно. А теперь говорите все, что хотите, все, что помните о Гастеве. Гастев — фигура не только талантливая, но и разнообразная. Так что вы и начните с того, чтобы обозначить основные направления его деятельности.

С. Г.: Я вам скажу. Родился он в Суздале.

В. Д.: В каком году?

С. Г.: В 1882 году.

В. Д.: Дату помните?

С. Г.: 26 сентября по старому стилю.

В. Д.: 26 сентября 1882 года по старому стилю.

С. Г.: 9 октября.

В. Д.: Что за семья? Он не еврей, нет?

С. Г.: Да нет, чистокровный русский, православный, если можно так выразиться. Его отец был учителем. Вернее, сначала инспектором Суздальского городского училища, а потом он не ладил с начальством. За какие-то выступления неподходящие (*смеется*) они преследуют нас с колыбели. В общем, он перестал быть инспектором, а просто стал учителем.

В. Д.: Чего?

С. Г.: А вот что он преподавал, я не...

В. Д.: Математик или литератор — кто?

С. Г.: Я не знаю, по-моему, скорее, математик, потому что, как Гастев рассказывает, он был своеобразный очень человек, изобрел какую-то электрическую машину, ею пытался лечить там. Ведь это же маленький городок, заштатный городишко. Там было, я вот не помню, семь монастырей и сколько-то церквей, прямо несусветное количество. Весь город состоял из церквей.

В. Д.: Старинный город. Он сейчас восстанавливается как туристский центр.

С. Г.: Он восстанавливается как архитектурный ансамбль, и его порядочно изуродовали, потому что они там строят в этом... Старый город нужно было сохранить в точности, как он был, только восстановить то, что в свое время разрушили. Кстати говоря, кто-то спохватился, и перестали разрушать, поэтому там уцелело много. Он вообще очень красивый, очень интересный.

В. Д.: Я знаю. Я был в нем.

С. Г.: Родился он на берегу Каменки. Его мать вышла за его отца вторым браком. Отец был приезжий, я не знаю, откуда. Во всяком случае, он снимал. Верно, он был назначен начальством в это место, а он жил у нее постояльцем. Она до этого, молоденькая когда была, вышла... Она через какое-то время вышла замуж, чтобы подрос. У нее был сын от первого брака. В общем, через какое-то время она вышла за него замуж. Ей так и не повезло, потому что он очень рано умер. Зачем-то в Москву поехал.

В. Д.: Кто? Отец Гастева, да?

С. Г.: Отец Гастева. Он был еще совсем маленький, когда отец его умер.

В. Д.: Значит, растила его мать?

С. Г.: Мать. Причем был еще старший сын. Он второй от этого брака, а первый еще был, значит, трое у нее было. Специальности у нее никакой не было. Как всякая женщина, она шить умела. Когда она осталась одна, было ей очень тяжело, надо ж было жить, надо было... Была какая-то у ней — я так и не поняла, до сих пор не знаю... Хотя Гастев очень любил вспоминать Суздаль и рассказывал про своих каких-то бабушек, которые были ему не совсем бабушки, а какие-то прабабушки и разные там — я уж даже не знаю, какие там точно.

В. Д.: Это неважно.

С. Г.: Ну, какая-то там была бабушка, которой было много лет, и она помогла его матери. И ей купила дом о два окна за двадцать пять рублей (*смеется*). Он очень много рассказывал, но мы как-то относились всегда с очень большой любовью к его рассказам и немножко...

В. Д.: Немножко подсмеивались.

С. Г.: Он на своего конька садился. Человек объездил полмира, а всегда говорил: «А все ж таки лучше Суздаля нигде нет».

В. Д.: Это очень интересный факт!

С. Г.: Да! И он с такой нежностью вспоминал, так любил этот Суздаль! А жили очень скудно. На какие средства она жила? Вот этот домик был о два окна. Вы знаете, что такое домик в маленьком городишке о два окна? Это значит крохотная комната, русская печь. Было в его рассказах многочисленных, что был у них тесный домик, маленький, но чистота была

идеальная!

Мать спала на кровати. Где два других спали, я не знаю, но он подстилал такую циновку, на которой спал на полу просто. Вообще воспитание было очень суровое.

Чем она существовала? Они жили в ограде, вернее, в бывшей ограде, потому что Александровский монастырь, где они жили, уже был недействующий, когда Гастев родился. Ограда эта давно-давно разрушалась. И вот они жили внутри, в ограде монастыря около стены. У меня где-то есть фотография. Если еще раз увидимся, я вам могу приготовить, показать предполагаемый этот домик, потому что его уже на месте не оказалось. Я вам расскажу, какова его судьба.

Значит, она жила тем, что она... А рядом за этой оградой, кроме этого монастыря, еще была недействующая церковь. Это Александровский монастырь. Он на высоком, прямо вот таком...

В. Д.: Обрывистый?

С. Г.: Да, берег на Каменке. А внизу раскинулся Покровский монастырь. Очень красивое место, изумительное просто.

В. Д.: Вы что, ездили потом туда?

С. Г.: Да я там бывала, наверное, двадцать раз.

В. Д.: Хорошо, значит, у вас есть и личные впечатления.

С. Г.: Я вам сейчас расскажу. Когда он мне рассказывал освоей матери, о детстве, обо всем, матери уже в живых не было. Старшего брата, сводного, которого он вспоминал с большой нежностью и жалостью, тоже уже не было в живых. А родной его брат, когда я с ним встретилась, тогда был в действующей армии. Который старше его на два года.

В. Д.: Еще царской армии?

С. Г.: Ну да, это войны 14-го года. Я не буду повторяться. Гастев там жил только детство, он кончил там реальное. Но я про мать стала говорить. Значит, мать была там в хороших отношениях, хорошо к ней относился, жалел ее поп действующей церкви, которая была за монастырем, напротив, через переулочек. Теперь эта улица называется улицей Гастева.

Не знаю, как там теперь, я уже года четыре не была, наверное. Я ездила раз или два раза в год, а раз мы обязательно ездили. Историко-революционное землячество устраивало какие-то вечера воспоминаний и так далее, так я туда ездила со всеми.

А поп этот устроил ей...

Там богадельня была недалеко от церкви. Она шила рубашки для этой богадельни по пять копеек за штуку.

В. Д.: Значит, это еще...

С. Г.: Это до 82-го года.

В. Д.: 70-е — 80-е года прошлого века.

С. Г.: Да, 50-е примерно года прошлого века.

В. Д.: Почему же?

С. Г.: Нет, не 50-е! 80-е.

В. Д.: 70-е — 80-е.

С. Г.: 80-е. Он родился в 82-м, а отец его умер, допустим, через несколько лет, во всяком случае, 80-е годы. Учился он вот в этом...

В. Д.: Реальном училище.

С. Г.: Нет, там нет реального училища, — городское.

В. Д.: В городском училище.

Учеба Гастева в институте и вовлечение в революционную деятельность

С. Г.: Тут придется вернуться к его личной биографии, потому что так было: он кончил это училище и поехал на какие-то технические курсы в Курск. Поехал туда держать экзамены. Я не знаю по каким причинам, почему-то его не приняли. Экзамены он как будто выдержал, но он что-то заболел там... Точно вспомнить уже трудно. В общем, он приехал обратно, поехал в Москву и поступил в учительский институт. В Москве на Полянке был учительский институт. Он поступил в этот институт. Это уже было, как вам сказать...

В. Д.: В конце 90-х годов.

С. Г.: Это было примерно в 900-м году, точно я не знаю, но примерно.

В. Д.: В конце 90-х — в начале 900-х.

С. Г.: Да-да. В начале XX века. Он поступил в этот институт. Собственно говоря, с этого времени он очень редко бывал в Суздале, и вот почему. Конечно, когда он точно приезжал, за такое время не упомнишь, и он, может быть, сам не очень хорошо помнил. Так вышло, что он очень быстро стал заниматься в институте революционной деятельностью.

В. Д.: Уже в Москве?

С. Г.: В Москве. И было 40-летие² смерти Писарева.

В. Д.: Ага, так, правильно.

² 40-летие смерти Писарева было в 1908 году. Возможно, Гастева говорила про 30-летие смерти Писарева.

С. Г.: И он там организовал такой митинг. Вообще, собралось студенчество в Манеже, полиция нагрянула, и их всех задержали. Потом его выслали из Москвы. Его арестовали, но не оставили на отсидку, а выслали в Суздаль до особого распоряжения.

В. Д.: По месту жительства до особого распоряжения.

С. Г.: Да. Конечно, из института его исключили, а на каком он курсе был, я не знаю.

В. Д.: Не знаете — не важно.

С. Г.: Живя в Суздале, он уже в 900-м году был членом партии. Было ему тогда двадцать...

В. Д.: В 900-м году ему было восемнадцать лет.

С. Г.: Восемнадцать лет было. Он занимался, конечно, пропагандой. Очень увлекался всем этим делом. И уже его вторично арестовали за организованную им стачку на фабрике Якунчикова, там рядом во Владимирской губернии. Потом его выслали в ссылку в Усть-Сысольск решением суда за организацию этой стачки на фабрике.

Алексей Гастев в молодости. Собрание А. Ткаченко-Гастева

Ссылка Гастева в Усть-Сысольск

В. Д.: А стачка эта где была? В каком городе?

С. Г.: Где-то около Суздаля, во Владимирской области. В общем, это все текстильный район, там кругом фабрики. И его отправили в Усть-Сысольск.

В. Д.: Где Усть-Сысольск³?

³ В 1930 году Усть-Сысольск был переименован в Сыктывкар.

С. Г.: Это нынешняя Вологда.

В. Д.: Это на север. Европейская часть России.

С. Г.: Европейская часть России, ну там Вологда.

В. Д.: Недалеко от Углича?

С. Г.: От Углича? Нет, совсем не там. Это на севере. Вологда! Я же вам сказала — Вологда. Вы не расслышали, наверное. Теперь это Вологда. Усть-Сысольск — это был главный город.

В. Д.: Нет, Вологда всегда называлась Вологдой.

С. Г.: Так это около Вологды. В общем, в Усть-Сысольский край отправили, но это Вологодской губернии. Тогда же губернии были! Там он пробыл недолгое время, завязались связи с местными жителями и ссыльными. Он кое-как перебивался, давал уроки и все в таком роде. Ведь раньше ссыльным полагалось пособие для жизни, а ему почему-то задерживали, не давали. Может быть, присваивала местная полиция, бог их знает. Он стал требовать. В общем, получился конфликт у них. Его постановили выслать в Яренск⁴ (это Вологодской губернии, но далеко в глубине) и ему запретили совершенно заниматься репетиторской деятельностью и преподавать. А что там еще могли сделать?

⁴ Яренск находится в Архангельской области.

В общем, там ссыльные, когда он уезжал... Он там успел уже всех переворосить. Человек он был очень волевой и очень авторитетный. Он очень хороший оратор был, выступал перед ними, разъяснял положение. Он был, главное, очень увлечен всем. Все это делалось чрезвычайно искренне и молодо. И он сагитировал местных двух людей. Надо было подготовить, даже фамилии у меня есть, кто там был. Впоследствии они участвовали в революционном движении. И ссыльные там устроили целый бунт, протест, когда его выслали. Поэтому он был...

В. Д.: А оттуда его тоже выслали?

С. Г.: Его оттуда выслали в Яренск. Ведь посылают в ссылку обычно в какой-то центр. Вот послали в Усть-Сысольск, а там не оставляют. Он жил в Визинге, село Визинга⁵. Там была подходящая публика. Все ж таки это было близко к центру, и можно было найти какую-то возможность существовать.

⁵ Визинга — село на юго-западе Республики Коми, в 76 километрах от Сыктывкара (Усть-Сысольска).

Вообще ведь это была все публика молодая, все ссыльные. У них было самое лучшее призвание — это что-нибудь бунтовать, так сказать. Они в его защиту встали, но на это, конечно, не посмотрели, и его отправили в Яренск.

В. Д.: Яренск или Еренск?

С. Г.: Яренск. Его уже во 2-м или в 3-м году выслали. Он пробыл там максимум три месяца, потом он сбежал.

Первая поездка Гастева за границу

В. Д.: Убежал прямо, да?

С. Г.: Сбежал и приехал сначала в Питер или в Москву, я точно не помню. И оттуда связался с партийным комитетом, и его отправили в Париж, за границу.

В. Д.: Уже нелегально?

С. Г.: Нелегально. Он уехал. Он бежал из ссылки, а за ним следовал розыск. Сейчас много находится в архивах бумаг, как за ним гнались.

В. Д.: Он из-под розыска общероссийского сбежал за границу в Париж.

С. Г.: Он уехал за границу. Он рассказывал, что первый раз в жизни у него была такая сумма. Ему дали сто рублей, это были громадные деньги тогда. И еще два товарища поехали с ним вместе. Я тоже этих людей знала потом. Они поехали, сначала преспокойно в Германии остановились, там полагается пересадка на Францию. Он рассказывал, как у них были крохотные чемоданчики. В этих чемоданчиках ничего не было, кроме одной смены белья, у всех трех по смене. У них целый день был в запасе. Им уезжать в Париж — вечером поезд шел. Они решили осмотреть Берлин. Оставили на одной из крайних скамеек у стены свои чемоданчики и пошли фланировать по Берлину. Они находились, сколько им нужно было. Они решили, что бог с ними, заберет кто-нибудь эти чемоданчики, все равно там одна смена. Они уж переоделись в это чистое белье — пускай заберет! А не заберет, так они возьмут. Они решили просто бросить это. Им дороже было посмотреть Берлин.

Они вернулись уже к вечеру. Раньше по старинному обычаю около дверей вокзала стоял очень импозантный швейцар с галунами, со всеми регалиями. И он их встретил, тот, который утром был! Они сообразили, что он давно должен был смениться вообще. И он на них: «Я вас жду сколько времени! Мне домой уходить нужно!» А они оставили вещи — он не может уйти (*смеется*). Он это рассказывал с большим юмором, как он охранял их вещи.

Вот он поехал в Париж. Явка у него какая-то была, но французским он не владел совершенно, не знал, как выйти из этого положения.

В. Д.: Но эпизод с чемоданами был в Берлине?

С. Г.: В Берлине.

В. Д.: А теперь мы приехали в Париж.

С. Г.: Теперь они приехали в Париж. Я не знаю, куда там товарищи пошли. Ведь это он рассказывал не со всеми подробностями, а вот так рассказывал, как это все происходило. Как он вышел из положения?

” Он остановил человека, похожего не на француза, и стал ему объяснять. По-русски тот не понимает. Тогда он перекрестился, стал креститься. Тот сразу сообразил и показал ему, где находится русская православная церковь.

Он пошел в эту самую церковь, там уже по-русски сговорился, нашел свою явку и остался жить. Сразу он там поступил на работу. Он стал ходить в такой вроде общественный университет. Вот я название забыла, где-то я записала.

В. Д.: Неважно, ладно.

Участие Гастева в Иваново–Вознесенской стачке 1905 года

С. Г.: Тут приближалось время 5-го года. Из Парижа он был направлен в Россию с заданиями. Вообще, он стал партийным профессионалом. Он приезжал в Россию, привозил литературу и все, что там нужно было, и вообще в России занимался революционной деятельностью. Вел он партийную работу в Ивановской... Он был одним из руководителей Ивановской стачки.

В. Д.: В 905-м году?

С. Г.: В 5-м году, да. Там первый совет был организован. Сейчас был юбилей этой Ивановской [стачки].

В. Д.: Первый совет рабочих депутатов?

С. Г.: Первый совет рабочих депутатов в Иванове. Так как эта работа была успешной, то Московский комитет его направил для усиления работы в Кострому. Он проводил работу в Костроме. Он был членом костромской организации. Он работал под кличкой Лаврентий.

В. Д.: Работал под кличкой Лаврентий в костромской организации?

С. Г.: Да. Московская организация его направила для усиления Костромской, так как Ивановская стачка уже была налажена. Он в Иванове и в Костроме был членом комитета. Потом он был организатором Северного объединения. И он был на съезде. В один из первых приездов он во Франции встретился с Лениным и с ним поддерживал [связь], получал оттуда задания и ездил в Москву, ездил вообще в Россию. Так он несколько раз ездил. Тут есть разные описания, я не знаю, подробно вам рассказывать об этих стачках или нет.

В. Д.: Нет, не надо.

С. Г.: Не надо — как хотите.

В. Д.: Раз у вас записано, то не надо.

С. Г.: Это вообще записано, это везде есть, это в истории есть.

В. Д.: Тогда мне это записывать не нужно. Значит, вы даете биографию Гастева и этого придерживаетесь.

Алексей Гастев. Москва, 1924. Собрание А. Ткаченко-Гастева

Нарымская ссылка Гастева

С. Г.: В общем, он приезжал в Россию и уезжал обратно. Много раз он арестовывался. Я могу вам только сказать с его слов, что он примерно в общей сложности... Я все отсидки, которые у него были в жизни... Ну, понимаете, задерживали за проживание по чужому паспорту, по разным причинам. Ему везло, кто он — его не открывали. Он жил под чужой фамилией постоянно. Он жил нелегально, поэтому они не могли разоблачить, что это именно тот Гастев, который бежал из одной ссылки. Потом он был вторично арестован и получил ссылку в Архангельск, из которой бежал буквально на десятый день.

В. Д.: Ну и все отсидки — кончите фразу — составили вместе...

С. Г.: Наверно, семь лет по частям. А был он в усть-сысольской ссылке с разными переводами, потом в архангельской ссылке, потом в нарымской ссылке. Больше всего он пробыл в нарымской ссылке...

(Перерыв в записи)

В. Д.: Продолжайте, Софья Абрамовна. Последние слова были, что он бежал из нарымской ссылки. А в нарымской ссылке он пробыл всего сколько?

С. Г.: Он пробыл около полутора лет.

В. Д.: Около полутора лет или полтора месяца?

С. Г.: Нет, полтора года. Я же говорю, долго он пробыл, а потом он бежал оттуда. Пробыл он так долго, потому что оттуда зимой бежать невозможно. Это очень отдаленное место, там очень холодно, и в тайге можно пропасть.

” А потом он решил бежать по реке на своей собственной плоскодонке. И он там целый флот выстроил! Там такие целые лодки выдалбливают из цельного бревна, плоскодонки называются.

Это очень маневренная посудина. Он очень этим увлекся и строил на образец, какая лучше будет, и очень много настроил. Все собирался уплыть как-нибудь, удрать с этим, а вышел побег совершенно случайно. Он пошел с товарищем Гольцманом... Ну, про нарымскую ссылку я могу рассказать.

В. Д.: Пожалуйста.

С. Г.: В нарымской ссылке было очень много интересного народа. Это была последняя ссылка. Она была во время Империалистической войны. Между прочим, там были и разные посланные туда военнопленные поляки, выселенные евреи,

всякие-всякие.

Вообще он был человек очень организованный. Когда он туда прибыл... Там же отрезано. Сейчас туда можно лететь на самолете, а тогда, как только навигация прекращалась пароходная, они были отрезаны от мира. Надо было устраиваться на жизнь. Обычно ссыльный приезжал — его селили в избе у местных жителей. Их почему-то зовут чалдонами. Это немножко ругательное выражение, как всякое такое национальное.

В. Д.: Чалдон — это сибирский крестьянин, кулак.

С. Г.: Чалдоны — сибирские жители. Конечно, они живут оседло, у них тепло и все, но тесно! Он походил по этому Нарыму и посмотрел, что там почти при каждом доме имеется баня, отдельно выстроенная маленькая банька с парильней. Так он увидел, что около одного дома стоит одна баня брошенная. Одна новая построенная, а одна стоит вроде как не у дел. Он пошел к хозяину этого дома и попросил, чтобы тот ему сдал эту брошенную баньку, что он приехал и хочет в ней жить. Тот говорит: «Так зачем сдать? Бери и живи! Только там пол не сделан, там все разрушено». Он говорит: «Ничего, я сам сделаю». Он оборудовал это. Русская печь там была, конечно, потому что парильня там была. И он оборудовал эту баню просто замечательно. Получилось у него прекрасное жильё.

В. Д.: Совершенно отдельное.

С. Г.: Отдельное, совершенно независимое ни от кого. Хозяин его не касался. Он заготовил дрова, ездил в лес. Там обосновался. Там договаривались с местными жителями, брали лошадь, ездили в лес, валили дрова. Леса там кругом полно. Весной они занимались сбором орешков, то есть летом, осенью. Ну и вообще обосновался как следует. У него получилось что-то вроде клуба в этой бане. Помещение большое, потому что было рассчитано на то, чтобы мыться там.

В. Д.: Несколько человек.

С. Г.: Попросторнее было. Он его хорошо оборудовал, вычистил, вымыл. Наскреб в разных местах где банку, где чайник поломанный, все это починил и обосновался на жизнь. Там дрова у него были и круглые сутки у него топились зимой. Прямо бревна в печку клали и большие поленья очень. Всегда был кипяток, а вообще он чаевник страшный. Чай он раздобыл. Чай и сахар у него всегда были. К нему стали приходиться. Все из ссылки приходили. Звали его Капитан, кличка у него была: «Пошли к Капитану». Вот они приходили к Капитану, там шли очень интересные разговоры. Это была война. Он читал им обзор политический, военный.

Он человек очень много знающий и очень увлекательно рассказывающий. На его лекции и выступления всегда сходились везде и всюду, где бы он ни был, очень много народа. И у него там было очень много хороших товарищей. Вот этот Гольцман, о котором я рассказываю, был молодой человек, тоже ссыльный, моложе Гастева, и он с ним очень подружился. Он был парень рабочий из Одессы, не очень еще много знающий. Он был очень молодой. Он сделался заправским учеником Гастева, и они очень подружались так на всю жизнь.

В. Д.: Этот Гольцман тоже был профессиональный революционер?

С. Г.: Он в Париже не был.

В. Д.: Но он все-таки был профессиональный революционер дальше?

С. Г.: Гольцман? Ну, он работал там, был революционером и был сослан. Таких ведь было очень много. Я не знаю, указывать ли фамилии, там было очень много ссыльных, которых мы знаем.

В. Д.: Указывайте, почему же, конечно, указывайте!

С. Г.: Вот был Шотман там, кстати, жена с ним была. Потом был Рыков с женой.

В. Д.: Алексей Иванович Рыков, будущий председатель Совнаркома?

С. Г.: А он был в ссылке нарымской, он и она, они вместе были. И Куйбышев там был, только не одновременно.

В. Д.: Это он вам все говорил? Это вы говорите все с его слов?

С. Г.: Да я это знаю все точно! С его слов и не с его. Козелев там был. Будник там был. Это все впоследствии работники ЦК металлостроителей, члены ЦК металлостроителей. Я могу пропустить, конечно, но вообще там было очень много людей.

В. Д.: Называйте тех, кого помните.

С. Г.: Кого я в данный момент вспоминаю, я вам называю.

В. Д.: Да, пожалуйста.

С. Г.: Ну, Шотман. Вы, наверное, слышали. Он финн был, рабочий.

В. Д.: А сам Алексей Капитонович Гастев металлургом на заводе не работал?

С. Г.: Не металлургом. Он очень хороший слесарь. Он работал на парижских заводах, в России на заводах работал, в трамвайном парке работал. В Париже в один из приездов шофером он был, таксистом. Он был слесарь-лекальщик, то есть на сложных, на тонких работах. Одновременно он учился постоянно. Вообще был человек очень, как вам сказать, очень живой, очень быстро воспринимающий. Он увлекался всем. Ему нравилась эта рабочая среда, нравился сам завод как таковой. А потом он был очарован в Париже заводами Рене, которые были тогда по последнему слову техники...

В. Д.: Рене или Рено?

С. Г.: Рено, Рено, извиняюсь. Потом он в один из приездов работал на заводе «Айваз», в трамвайном парке работал, работал на Гагаринском буяне. Я не знаю, тогда безработица, что ли, была, организовали работы на Гагаринском буяне.

В. Д.: На Гагаринском что?

С. Г.: Гагаринский буян! Это в Петрограде, в Петербурге.

В. Д.: Ага, ну это я не знаю.

Алексей Гастев за токарным станком. 1920-е гг. Собрание А. Ткаченко-Гастева

О псевдонимах Гастева

С. Г.: Ну и он постоянно, конечно, работал! Но это же не было так, что у него было место, он работал и был к нему приклеен. В один прекрасный день он снимался и ездил, куда ему нужно было. Он много раз приезжал из-за границы в Россию и в перерывах работал. А приезжал он фактически... Был он не под своей фамилией, и вообще больше уже с юности он не жил под своей фамилией.

В. Д.: Он все время был нелегальным партийным революционером.

С. Г.: Да, нелегальным был все время. Псевдонимов у него по меньшей мере пятнадцать–двадцать.

В. Д.: Вот назовите псевдонимы. Это очень важно. Повторите.

С. Г.: Лаврентий.

В. Д.: Лаврентий — это был его партийный псевдоним?

С. Г.: Да.

В. Д.: А литературный псевдоним? Дозоров, так?

С. Г.: Был Дозоров, были и другие. Он жил под фамилией Васильев, потом был псевдоним Степанов. Он был членом Стокгольмского съезда партии под псевдонимом Иванов.

В. Д.: Ах, вот как!

С. Г.: Да.

В. Д.: Он был членом Стокгольмского съезда и ездил в Швецию?

С. Г.: А как же?

В. Д.: Значит, он был видным партийным работником.

С. Г.: Он сначала был, когда он уже в Костроме проводил стачку, так он... Северный край организовался, был Северный комитет, он был одним из организаторов этого Северного комитета. И вот от этого Северного комитета он был послан

на Стокгольмский съезд. А был он там под фамилией Иванов.

Он был избран на Лондонский съезд партии. На самый съезд он не попал, потому что одновременно шла конференция в Женеве, меньшевистская, а он был в большевистской фракции. Он был большевиком, и его послали туда для осведомления, чтобы он присутствовал на этом... Так что он был в это время в Женеве, но был послан на Лондонский съезд.

В Костромской партийной организации РСДРП Гастев под партийной кличкой Иванов поддерживал непосредственную связь с Лениным, то есть он вел с ним переписку о том, как идет стачка. Сохранилось письмо Иванова (Гастева) Ленину.

Теперь я попутно вам, поскольку вас интересует вопрос о кличках... Недавно была расшифрована партийная кличка из одного письма к Ленину, очень такого содержательного, по поводу течения Ивановской стачки. Подписано оно было «Алеша Попович». Хранился этот документ в Ивановском партархиве. И никак не могли расшифровать, кто же это такой.

В. Д.: Алеша Попович.

С. Г.: На этом письме есть пометка Крупской. Она пишет в Костромскую организацию. Гастев уже в это время был послан из Иванова на проведение стачки в Кострому. Она пишет Костромскому комитету: «Куда девался Алеша Попович? Нас очень интересует его сообщение и что с ним. Он нам много помогал, и мы интересуемся». И ей оттуда отвечают (это уже теперь расшифровано): «Такого мы не знаем». Это был псевдоним настолько законспирированный, что та партийная организация, в которой он состоял и вел эту переписку, не знала этого псевдонима. Все это делалось, конечно, с целью запутать жандармов.

Ну и как это расшифровали? А там она еще пишет, на полях зачеркнуто и написано: Алеша Попович, потом Иванов, потом Иванов зачеркнуто и поставлено Лаврентий. Она назвала все эти три. А так как в архивах имеется, что Гастев — Лаврентий, Гастев — Попов. Там имеется его письмо целиком, от его руки написано, но то, что я получила, это уже не целиком, а только выдержка, где он пишет о положении дел в Иванове, как обстоят дела вообще на севере, как в Иванове ведется стачка. Это не корреспондент, который сообщает о том, что происходит, а он просто ведет там работу и свое мнение высказывает. Всегда в организациях есть трения какие-то, он высказывает свое мнение, как по его мнению нужно, чтоб шире шла работа. Это письмо очень довольный тон носит, потому что все стачки идут — как-то сказочно все это происходило. Он потом был членом Костромского комитета, тоже был совет рабочих депутатов потом.

Вот я вам рассказала об этой кличке Алеша Попович. Между прочим, я от него эту кличку слышала, от него лично. Но как-то он вообще был не из тех людей, которые щеголяли своими заслугами разными. Так он жил, и так это нужно было тогда. Он не придавал особенного значения прошлому, как это принято у некоторых партийных работников: если он что-то сделал, так он потом всю жизнь будет с этим носиться.

В. Д.: На войну он не попал?

С. Г.: На войну? Нет, он все время был в заключении, все время либо в бегах, либо в заключении. На войну он не попал. В 10-м году он, по-моему, приехал в Петербург и там на какое-то время устроился. Потом он опять уехал за границу, и вот уже в 13-м, что ли, году он ехал из-за границы. Он все время ездил с поручением от Ленина, все время ездил, и ему передавались поручения через Крупскую большей частью. Она вообще руководила всеми такими разными...

В. Д.: Связями.

С. Г.: Оформлениями. А потом через Калинина.

В. Д.: Вы подходите уже к революции.

С. Г.: Это еще не совсем к революции. Вот он ехал в 14-м году с поручением, и его на границе выдал провокатор, женщина, такая Жюльен была там. Очень подозрительной она им казалась, и она действительно оказалась провокатором. Он был арестован, но так как не открыли, кто он такой... Знаете, они были не столь искушены, они не умели это. Вот у него такой паспорт, он им такой и казался. Иногда они раскрывали, что это чужой, но никак не могли обнаружить человека. Ни разу они его... Сколько раз его ловили, сколько раз он сидел за незаконное проживание и всякое-всякое-всякое, а никогда не открыли, что он Гастев. Если бы открыли, так он безусловно имел бы каторжный срок, может быть, небольшой, но имел бы каторжный срок. Раньше не очень щедро так: четыре года считалось...

В. Д.: Много.

С. Г.: Да, считалось, что это достаточно более или менее, если нет более отягчающих обстоятельств.

Побег из нарымской ссылки

Как он бежал из нарымской ссылки, я вам начала говорить. Когда приходил первый пароход, в Нарыме было вроде храмового праздника. Все население, в том числе ссыльные, приходило на берег реки. Все стояли и глазели на этот пароход. Пошел Гастев с Гольцманом гулять, а пароход что-то долго не появлялся, потом вдруг услышали гудки, и пароход стал приближаться. Они, конечно, пошли на берег. Пароход там долго стоял, выгружался, потом нагружался чем-то и уезжал. Связь же была очень сложная. Жандарм всегда дежурил около парохода, но не будет же он все время смотреть на сходни. Он и кругом смотрел, ему надоедало, может быть, он зевал, бог его знает, что он делал. Они с Гольцманом от нечего делать зашли в такой момент, когда жандарм глядел в другую сторону, на пароход. Там была большая труба. Они на всякий случай стали за трубу, чтобы жандарму не видно было.

Потом Гастев говорит... А у него все готовилось: всегда под кроватью были какие-то банки, в которых хранился паспорт, деньги на дорогу и на случай побега, вообще все необходимое на случай побега. И вдруг ему пришло в голову: «Слушай, а если я сейчас уеду этим пароходом? Пожалуй, можно уехать». Но паспорта у него нет, денег нет, ничего нет — пошли

гулять. Говорит: «Я останусь за трубой, а ты беги домой, там под кроватью стоит большая банка из-под монпансье». Гастев был большой сластена, он очень любил чай, чай крепкий и чтобы был сладкий или что-нибудь сладкое к чаю. «Там в коробке из-под монпансье лежит паспорт и деньги, — он ему все указал, — а я тут постою за трубой. Если он хватится, ну что ж, я пошел поглядеть, ничего страшного».

”

Тот побежал, прибежал, запыхавшись, улучил момент, забрался на пароход и подает ему банку. Гастев открывает в ужасе: там хранится сахар! Там стояли две банки, и он не рассмотрел которую, не открыл, схватил первую попавшуюся банку эту и побежал, и принес ему другую банку.

Он успел вторично сбегать. Тут уже их азарт взял: как это так, было уже все в руках, можно сказать, скоро уедет, а тут остаться! Он побежал вторично, и все это прошло благополучно. Так он уехал с этим пароходом, снявшись с места просто...

Конечно. Пока хватились там, пока дали знать, он до Томска доехал, не Томска — какой после Нарыма?

В. Д.: Боюсь вам соврать, по-моему, Томск не прямо после Нарыма.

С. Г.: Томск, по-моему. Черт возьми, я забыла.

В. Д.: Я плохо знаю географию. Я не очень хорошо знаю эти места.

С. Г.: Я просто забыла. Там большой город. Он сошел с парохода и там какое-то время работал. Там большие холодильники были построены, и он проработал на холодильнике. Оттуда он уехал в Новониколаевск и преспокойно до революции прожил в Новониколаевске.

В. Д.: А его искали по всей Российской империи?

С. Г.: А его искали. До сих пор еще находят иногда донесения Жандармского управления, что такой-то и такой-то в розыске находится, такие-то и такие-то приметы. Все посылали в те места, где он был раньше, в Суздале и вообще, где он был, всюду.

О первых публикациях Гастева

В. Д.: И он, значит, до революции, до 17-го года прожил в Новониколаевске, да?

С. Г.: До 17-го года он приехал в Новониколаевск. В Новониколаевске он связался с газетой, и он уже писал порядочно в это время. Он уже с 4-го года стал печататься.

В. Д.: С 1904 года.

С. Г.: 4-го года.

В. Д.: Что же он печатал?

С. Г.: Первое его напечатанное произведение было напечатано в каком-то журнале — это «За стеной», из жизни ссыльных.

В. Д.: Художественная проза, стихи или публицистика?

С. Г.: Это была проза. Второе его произведение — это «Проклятый вопрос». Вышел он в Женеве. Знаете, что раньше можно было просто самому выпускать, найти возможность выпустить. Выпустил так он эту...

В. Д.: Оплатить типографам и все.

С. Г.: Да, там как-то устраивались, какая-то компания складывалась, как-то это делалось. В общем, была напечатана в Женеве эта вещь. Сейчас «Проклятый вопрос» находится в Отделе редкой книги.

В. Д.: В Ленинской, в Горьковской?

С. Г.: В Ленинской библиотеке в Отделе редкой книги. У меня даже списана обложка. Теперь там фотографию делают, такую линотипную снимают. Я хочу заказать, чтоб мне сняли.

В. Д.: А стихи он писал до революции?

С. Г.: Именно до революции он писал очень много.

В. Д.: И что же, они и вошли потом в книжку «Поэзия рабочего удара»?

С. Г.: Они вошли не все. У него очень много пропало произведений, очень много пропало! Во-первых, так было. Он сам пишет в своей автобиографии: «Я писал не потому, что я себе поставил в жизни задачу быть писателем, а просто когда уже я попадал в тюрьму и было известно, что теперь уже арестовать не могут, делать нечего было, а писать тогда хотелось как-то всем революционерам, почему-то хотелось писать», — так он тогда писал.

Очень много пропало. Правда, не смотря на то что писать приходилось на чайных обертках и на разных кусочках бумаги, все равно писалось много. Но в постоянных пересылках и переездах из тюрьмы в тюрьму многое терялось.

Я могу наперед забежать и сказать, что мы сами, можно сказать, виноваты. Виноваты и не виноваты, конечно, но получается так: когда он выпустил книгу «Поэзия рабочего удара», у него оставалось очень много вещей, которые он почему-то не включил. Не то что он оставил на вторую книжку, может быть, он считал это более слабым. Мне это трудно даже сказать. Автор сам отбирает, у него какие-то соображения есть. У него там была одна вещь, которую я читала. Мне очень понравилась, но самое интересное, что она ему нравилась даже больше, чем та вещь аналогичного порядка, «Весна в рабочем городке». Это называлось «Осень», а у него «Весна в рабочем городке» напечатана в «Поэзии рабочего удара». Так эта «Осень» ему больше нравилась, чем «Весна в рабочем городке». Из каких соображений, я не знаю, но он... Вообще этот сборник собирался при мне. Больше половины, три четверти того, что напечатано, было до революции написано, а только при мне он в Харькове писал самые последние новые вещи.

Я не упомянула: будучи в ссылке, он вообще влюбился в Сибирь. Он просто тогда и написал уже после этой ссылки, там он задумал это и потом выполнил в Новониколаевске. Он написал «Экспресс». Вы не читали этой вещи?

В. Д.: Читал, наверное. Я читал «Поэзию рабочего удара» всю, но не помню сейчас.

С. Г.: Эта вещь, я вам сейчас скажу, я вам смогу дать...

В. Д.: Она вошла в «Поэзию рабочего удара»?

С. Г.: Вошла, конечно.

В. Д.: Ну, значит, я читал.

С. Г.: Мне лично она нравится очень! Понимаете, это сибирская фантазия. Он предвидел, как будто бы он воочию видел, как расцветет Сибирь, что может из себя представлять Сибирь. Как будто бы он все это продиктовал. У него есть такие вещи там. Это уже то, что он писал при мне, это он писал в Харькове перед тем, как надо было сдавать в печать.

Деятельность Гастева в Новониколаевске

В. Д.: Все-таки опять приведем в некоторый порядок. Значит, до 17-го года он жил в Новониколаевске, будучи разыскиваемым ссыльным. Он скрылся и жил нелегально в Новониколаевске, так?

С. Г.: Он жил в Новониколаевске, работал в газете.

В. Д.: Когда произошла Февральская революция, он приехал в Петербург?

С. Г.: Он приехал сразу в Петербург. Он там успел выпустить в период Февральской революции большевистского уклона газету и руководил этой газетой.

В. Д.: Какая газета это была?

С. Г.: «Голос Сибири», в Новосибирске. Когда он приехал, там работал редактором газеты, это тоже был социал-демократ, по моему, Рожков фамилия, кажется, Рожков.

В. Д.: А, ну как же, Рожков — это историк, профессор, меньшевик. Он написал двенадцатитомную русскую историю в самом сжатом очерке. Нет, «Русская история в сравнительно-историческом освещении».

С. Г.: Я боюсь точно называть фамилии, потому что там был один Рожицын, с которым мы сталкивались в Харькове, тоже литературовед, критик литературный. Это уже во время революции, когда мы ездили, это я потом вам расскажу.

И потом вот этот Рожков... В общем, он был формально заместителем редактора, но он заполнял всю газету сам большей частью под разными...

В. Д.: Псевдонимами.

Фантазии Гастева о будущем Сибири

С. Г.: Когда он жил в Нарыме... Я вам не рассказала интересные эпизоды, но это уж чисто бытовые. Но то, что я сейчас скажу, не совсем бытовое. Во-первых, он там читал лекции ссыльным, не какие-то запланированные, а просто делал военный обзор. Вообще он был очень интересным оратором, очень интересно говорил, рассказывал. Звали его там Капитан.

В. Д.: Это вы рассказали.

С. Г.: Кличка. Все к нему очень хорошо относились. За какие-то там провинности перед местным начальством, перед местным режимом, там была каталажка так называемая, куда время от времени попадали ссыльные. Вот те же товарищи, которые впоследствии у нас дома бывали, и работали мы вместе в ЦК металлистов: Козелев, Будник, еще там много людей, которых я знала. Они сидели как раз в этой каталажке, и Гастев туда попал. Так он им стал излагать свою идею о прообразе ЦИТа. Там, конечно, никакого ЦИТа не называлось, но он уже тогда бредил организацией труда.

Он им такое рассказывал, такую обрисовывал Сибирь. Он все им расхваливал, какая будет Сибирь, как он себе представляет, что можно будет сделать из Сибири, как оживет этот глухой край, этот обаятельный край. И они с большой любовью слушали. Они его просто искренно любили, но они считали его фантазером, считали, что это все гастевские фантазии. Некоторые из них выступали на пятилетнем юбилее ЦИТа: громадная аудитория, были выступления и от ЦК, и от всех организаций, всех наркоматов, где они работали, которые ЦИТ обслуживал, и вообще от всей общественности, от газет и так далее. Выступали там и рассказывали: «Мы слушали те идеи, которые проводятся в ЦИТе, те работы, мы слушали о них под каким-нибудь другим названием. Мы считали, что это богатая фантазия поэта Гастева, а теперь это все претворяется в жизнь!»

Быт Гастева в Нарыме

На чем я прервалась? Да, еще там был эпизод один такой. Как он существовал? Почему у него так получилось дома? У него всегда днем, ночью топились дома русская печь, ярко горел огонь, было тепло и чисто, имелась настольная керосиновая лампа или висячая — не знаю, какая там. Всегда был свет, всегда был сахар и чай, горячие чайники всегда стояли в печи. Откуда это все бралось?

Ну, какое-то пособие там получалось, что-то они покупали, муку там вовремя запасали и пекли... Доставали. Там же купить нельзя было, вообще не было такой системы.

Туда наехало очень много ремесленников во время войны, которых с пограничной полосы — обвиняли в шпионаже и сгоняли в ссылки. Вообще из-за чего царская Россия просто высылала людей, подальше убирала поляков и так далее, там разных. Они всё жались к политике. Эта публика была более культурна. Им было как-то приятно быть с ними, общаться. Вот как-то зашел спор насчет профессии. Вот там один: «Я булочник, я пеку хлеб, я пекарь. Это вам не университет кончать! Это надо уметь!» Знаете, как ремесленники задаются. А Гастев говорит: «Чего тут уметь, я тоже могу спечь хлеб, хоть я никогда не пек и не знаю, как он печется». «Ну, — говорит, — попробуй! Это тебе не студентом быть!» Они считали, что каждый человек, который развитой, что это студент.

Гастев решил-таки попробовать (*смеется*), сделать эксперимент. Поехал купил полпуда, кажется, муки и испек хлеб. Дрожжей никаких не было и закваски. Он даже не знал, что она существует, понимаете. Кто-то ему там сказал, как примерно печется хлеб. Он спек хлеб. Это он мне самолично все рассказывал. Он спек хлеб, да такой позорный, что не знал, куда его деть! Выбросить на помойку — там народа мало, сразу станет известно, по всей ссылке засмеют. Что делать? А ему уходить надо было. Он решил на всякий случай... У него так было заведено: дверь не запиралась, туда можно было всегда прийти кому угодно, напиться чаю, посидеть, поспать, если хочет, и это у него что-то вроде клуба получилось. К нему приходили и там вели беседы интересные, спорили, чай пили вместе и все такое. Кто-нибудь придет и обнаружит этот хлеб. Куда его спрятать? Особенно сервантов нет (*смеется*). Так он взял этот хлеб, там было несколько буханок, и засунул под кровать. У него устроено было что-то вроде кровати, топчан такой широкий.

Никто не пришел. А кто пришел? Туда было выслано много цыган. Пришли цыганки, обнаружили, что дома никого нет.

” Они полезли: нельзя ли чего-нибудь там позаимствовать. Обнаружили под кроватью хлеб. Украли этот хлеб и ушли, чтоб их не накрыли. Он пришел и обнаружил, что хлеб утащили. Он был страшно доволен!

Потом выяснилось, что это цыганки. Там в секрете ничего не могло остаться, все ж таки было очень немного населения. Он был очень доволен, но его все грызла мысль, как же это он не овладел хлебом. Надо попробовать. И он стал пробовать. Можете себе представить, что у него стал получаться очень хороший хлеб! Он себя обслуживал хлебом. Конечно, все, кто приходили пить чай, да и вообще те, кто были голодны, могли прийти и напиться чаю с хлебом с сахаром. У него было вдоволь всего этого. Хлеб всегда был.

Тогда более оседлая часть ссылки, вот вроде Рыкова, который жил с женой, по-моему, дочка тогда была уже у них, потом Шотманы, у них тоже сын был, ну и вообще, как вам сказать, такая более хозяйственная часть надумала такое: «Слушай, Капитан, ты печешь хлеб, а почему бы тебе не печь на нас на всех?»

(*Перерыв в записи*)

О знакомстве с Гастевым

С. Г.: Выпускал газету, был заместителем редактора, потому что еще был редактор. Были еще такие времена, что он заполнял всю газету целиком сам, особенных не было корреспонденций. Когда произошла Октябрьская революция, он дал определенное направление этой газете. Она была такого, как сказать, большевистского типа.

В. Д.: Так, и уехал сам в Петербург?

С. Г.: Приехал он в Петербург. Это уже был Петроград тогда. Вот я его встретила. Чем он занялся? Он встретился со всеми товарищами своими, со всеми знакомыми и стал работать. Он вообще работал во время нелегальщины с 7-го, кажется, года, не прерываясь. А когда приезжал в Россию, он работал в Союзе металлистов.

В. Д.: Значит, при керенщине он тоже стал работать в Союзе металлистов?

С. Г.: Нет, тогда еще и союза-то этого... Я не знаю. Не стал он работать в Союзе металлистов, а просто... Вот Шляпникова он хорошо знал по границе. Они встречались в Париже много и уже лелеяли мысль, что... Жизнь шла своим чередом, и он,

конечно, бывал и в Союзе металлистов. Я точно не знаю, где он бывал. Я же не стану с налету спрашивать человека, которого я не знаю, где он бывал. А потом ведь организовался вскоре временный центральный комитет.

В. Д.: Временный центральный комитет — чего?

С. Г.: ЦК металлистов.

В. Д.: Хорошо. Где вы его и встретили?

С. Г.: Я его встретила не в самом здании там. Он только был организован. Было организационное собрание, и они собрались после этого собрания в квартире Шляпникова, просто люди, которые сделали дело какое-то.

В. Д.: Вы рассказывали, как вы его встретили на собрании у Шляпникова.

С. Г.: Да.

В. Д.: Как дальше развивались ваши встречи?

С. Г.: После этого я стала там работать, и он уже был секретарем этого временного центрального комитета. Я вместе с ним там работала.

Софья Гастева. Собрание А. Ткаченко-Гастева

Литературные связи Гастева

В. Д.: Так, собственно тут смыкается с тем, что вы уже рассказали. Чем он в это время увлекался? Он в это время писал стихи?

С. Г.: Писал, конечно.

В. Д.: Когда вышла книжка «Поэзия рабочего удара»?

С. Г.: Книга «Поэзия рабочего удара» вышла немножко позже, конечно.

В. Д.: 23-й, по-моему, нет?

С. Г.: Нет, она вышла в 18-м году первый раз.

В. Д.: Ах, уже в 18-м. А в 23-м это уже переиздание?

С. Г.: Это второе издание.

В. Д.: Вот расскажите об этой книжке и его литературной работе.

С. Г.: Видите ли, я знала, что он пишет, он мне кое-что читал. Я вот не очень хорошо помню, в какой момент она была сдана в печать. Это было, по-моему, уже после организации Пролеткульта. Стали печатать эти новые.

В. Д.: К организации Пролеткульта он имел отношение?

С. Г.: Имел какое-то отношение. Вообще, он считался пролеткультивцем, но он не был таким, как вам сказать, рьяным пролеткультивцем. Он считал, что мир шире этого Пролеткульта. Вообще, он приветствовал этих новых поэтов, которые тогда выступили на арену, потому что...

В. Д.: Герасимов, Кириллов, Александровский.

С. Г.: Да, Герасимов, Кириллов. Кстати, там были и очень неплохие стихи, и все такое. Были разные. Но он всегда ведь был занят еще другими делами. Он главным образом все ж таки работал в ЦК металлистов и делал очень интересные доклады. В частности, он делал доклад с переориентацией...

В. Д.: Об организации и...

С. Г.: И реорганизации промышленности.

В. Д.: С переориентацией...

С. Г.: С ориентировкой ее на Восток.

В. Д.: Ну вот, записали.

С. Г.: Я это в своих словах сказала.

В. Д.: Это неважно, точная формулировка.

С. Г.: Что касается его литературных, то у него, конечно, очень большие были литературные связи. Я сказала о пролеткультивцах, что он участвовал в этом, но не придавал этому такого значения, что этим ограничивается мир. А потому что он увлекался многими течениями, главным образом он увлекался Маяковским, Хлебниковым.

В. Д.: Значит, футуристами?

С. Г.: Очень хорошо относился к Асееву.

В. Д.: А Василия Каменского?

С. Г.: Кого? Ах, Василия Каменского! Я не могу сказать, что он его так уж очень... Увлекался он особенно Маяковским и Хлебниковым. Он и всех вообще... Он был литературно развитым человеком. Вкусы у него были не только с уклоном на хорошую поэзию, но и на реорганизацию языка литературного. Понимаете, у него был очень широкий кругозор в этом отношении. У него на все было свое собственное, личное, обдуманное мнение.

В. Д.: Скажите, пожалуйста, он дома когда-нибудь читал стихи вслух вам или себе?

С. Г.: Что, стихи? Вслух? Очень редко. Очень редко. Вы знаете, в 20-е годы ставили его очень многие инсценировки. Даже были некоторые инсценировки, в которых он сам участвовал как актер, и он очень хорошо исполнял.

В. Д.: А сценарий его был?

С. Г.: Ставили, инсценировали его вот эти новейшие стихи. Там были такие, которые сами просились на это. Тогда очень много было таких вечеров.

В. Д.: Да-да-да.

С. Г.: Он этим одно время очень увлекался и какую-то часть времени этому отдавал. Вообще, его много чего интересовало. С Маяковским он был в великолепных отношениях.

В. Д.: Они знакомы были?

С. Г.: Гастев бывал в ЛЕФе, его там печатали, им восхищались и все такое. Очень его ценили, очень к нему хорошо относились.

В. Д.: А Маяковский у вас никогда не был?

С. Г.: Дома? Нет.

В. Д.: А с Бриками вы встречались?

С. Г.: Нет, с Бриками я не встречалась. Я была в обществе, где я иногда видела кое-кого. Я бывала среди литераторов вместе с ним, но это уже было не с Бриками.

В. Д.: А как Гастев относился к Есенину и Блоку?

С. Г.: К Есенину и Блоку? Чудесно относился! Ему очень нравилось все это. Есенин его подкупал.

Гастев, не смотря на его такой «машинный» уклон, как принято было тогда говорить, увлечение машинизмом, техникой, заводами и так далее, был, как вам сказать, очень лирическим таким...

В. Д.: Человеком.

С. Г.: Поэтом в душе. Как он любил свой Суздаль! Как он все вспоминал, как он обо всем говорил, с какой радостью он встречал хорошие стихи! Так у него было даже что-то чисто такое, как вам сказать... От хорошего подростка.

В. Д.: А, понятно.

С. Г.: Вместе с тем, со своей такой очень мужественной натурой и определенными взглядами на все, он был подкупающе душевный человек.

Мы куда-то ехали. Видимо, этим самым поездом ехал Есенин, только в другом вагоне. Мы были поражены одним явлением: жеребенок выскочил на железную дорогу и стал обгонять поезд. И мы просто все, пока длилась эта катавасия, его пробовал отгонять помощник машиниста, кажется, даже раз остановили поезд... В общем, очень не хотелось никому, чтобы пострадал этот жеребенок. Это было чудесное существо. Мы все этим любовались и на разные лады толковали об этом. И после этого появилось стихотворение Есенина об этом случае.

В. Д.: Есенин тоже смотрел?

С. Г.: Да, помните его стихотворение?

В. Д.: Ну, как же! «Видели ли вы, как бежит по степям...»⁶

С. Г.: «Глупый, глупый, маленький, тебе не перегнать железных коней...»⁷ Я не помню дословно.

В. Д.: «Видели ли вы, как бежит по степям, в туманах озерных кроясь, железной ноздрей храпя...»

⁶ Стихотворение С. А. Есенина «Сорокоуст».

⁷ «Милый, милый, смешной дуралей, ну куда он, куда он гонится?»

С. Г.: Разве можно было Есенина не любить?

В. Д.: Тогда около него были очень большие драки. С кем еще из литераторов он был близок, дружил?

С. Г.: Он был близок в свое время с Федором Калининным.

В. Д.: Что это был за человек?

С. Г.: Федор Калинин? Обаятельный человек, обаятельный. Я знала его, и жену, и дочку. Они были очаровательные люди, очень приятные, очень культурные, очень интересные. Федор Калинин ставил Гастева очень высоко. Есть одно издание, оно выпущено с его предисловием. Я часто встречалась с Федором Калининным, когда мы жили на Украине. Тут книга выходила, я приезжала, чтоб там что-то такое оформлять. В общем, он там оставался, а я приезжала тут что-то оформлять.

Я была знакома с женой, и она работала одно время со мной. И вообще мы встречались, и у них были очень хорошие отношения, поэтому я их встречала часто и знала. Он умер ведь совершенно случайно. Он умер от испанки.

В. Д.: Да, и рано умер.

С. Г.: Да, рано он умер.

В. Д.: Тогда же, в 20-м, что ли.

С. Г.: Он умер в 20-х годах, я точно не помню в каком. Очень рано! Где-то Гастевым написано, где-то в этих материалах я встретила. Я и раньше знала, что он это писал, где он пишет о Федоре Калининне и Бессалько.

В. Д.: А вы Бессалько знали? Я знаю только по литературе.

С. Г.: Я его лично не помню. По-моему, я его должна была встречать. Я не знаю, я не помню. Знаете, очень много мелькало людей перед глазами. Я многих очень знаю по Харькову, когда он был комиссаром искусств. Я очень много людей знаю из литературного, театрального, музыкального мира, художников всех. Они у нас бывали в доме все.

Жизнь с Гастевым в Харькове

В. Д.: Какое же время Гастев был комиссаром искусств в Харькове? Какие же это годы?

С. Г.: Это было, когда... Там же была Украинская⁸, так сказать...

⁸ Непонятно, что именно имеет в виду Гастев: Украинскую Народную Республику, Украинскую Советскую Республику, Украинскую державу Скоропадского или Украинскую Советскую Социалистическую Республику (провозглашенную в марте 1919 года).

В. Д.: Потом был Деникин.

С. Г.: Нет, Деникин был не потом. Это было, по-моему, в 18-м году. Я пыталась вчера уточнить. Я не могу вспомнить годы. Для этого я должна найти материалы, я точно не помню.

В. Д.: Значит, я понимаю вас так: после Украинской до Деникина...

С. Г.: Там установилась советская власть в свое время. Кажется, когда немцы ушли с Украины, я не ручаюсь за это.

В. Д.: Значит, 19-й год, до ноября. В ноябре Деникин взял Харьков.

С. Г.: Подождите, нет! Установилась советская власть совершенно официально. Там создан свой Совнарком, и наркомом...

В. Д.: Искусства...

С. Г.: Нет, искусства тогда не было наркомата. Наркомом образования...

В. Д.: Наркомпросом.

С. Г.: Наркомпросом Затонский был. Затонского я помню хорошо, знала, встречала, вот вместе с Гастевым. Гастев был назначен членом коллегии Наркомпроса в должности комиссара искусств. А фактически это в чем выразилось? Он объединял всех деятелей искусства, кроме того — охраны памятников.

В. Д.: Так это было еще до вашего знакомства с ним.

С. Г.: С Гастевым? Да нет же! Это уже было на Украине, мы вместе поехали туда.

В. Д.: Вместе поехали.

С. Г.: Мы вместе поехали туда. Как только он стал комиссаром искусств, комиссар еще носил официальное название — член коллегии по вот этим вопросам.

В. Д.: Так. Это был 1919 год.

С. Г.: Вот я не знаю, был ли это 19-й или 18-й. Это кажется непростительным и странным, но я просто не могу восстановить сейчас. Я должна связать события просто личные.

В. Д.: Так вот, я вам напоминаю, что в начале ноября 19-го года Деникин взял Харьков.

С. Г.: Так это было, когда он взял, а тут...

В. Д.: Так я говорю, что то, что вы рассказываете, было до ноября.

С. Г.: Мы там раньше жили вообще. Гастев работал на «Электросиле», там завод «Электросила». И я там тоже как-то устроилась, вот в кооперации что-то такое делала. А потом, когда стала советская власть, до этого времени было несколько дней переходных, очень тревожных, были эксцессы в городе и так далее.

Потом там стала официально советская власть. Вот комиссариат по делам искусств был в доме на Мироносицкой. Там Бойко — известные были украинцы, богатые очень, видимо, культурные люди. У них был дом выстроен. Эта улица называлась Мироносицкая. Дом был выстроен в украинском стиле. Весь дом был обставлен совершенно уникальными вещами. Хозяйина я не видела ни разу, он очевидно скрылся раньше, а хозяйка там продолжала жить, и такая — не то она у них экономкой была, не то домработницей, я не знаю — очень хорошая женщина, у которой сразу установились хорошие отношения с нами.

Этот дом стал комиссариатом искусств. Мы занимали там комнату одну, при желании могли, конечно, занять и две, но нам это не нужно было. В наркомате штат уже появился и все такое, а хозяйка там оставалась жить. Так это по-мирному все было сделано. Ее не притесняли, ничего, а просто договорились. Она осталась там и вот эта женщина. Я там работала, так она иногда и что-то такое делала: то котлеты делает, то что-то другое. В общем, я ее как-то старалась вознаградить.

В. Д.: Это неважно.

С. Г.: Это неважно, это не надо говорить. Мы жили в этом доме. Вот когда переехали туда, меня не было. Потому что, как только стало возможно, мне надо было съездить в Москву по поводу книжки. Я поехала в Москву, а он переехал туда сам. Когда я вернулась, он, конечно, сразу дал знать, что он живет там-то, и я уже приехала в этот дом.

Наступление Деникина и бегство из Харькова в Николаев

Сколько месяцев это длилось, это все можно восстановить, но я по памяти это не могу сейчас восстановить. Я просто должна согласовать с людьми, которые были там одновременно со мной. Мы там прожили это время, а потом стал наступать Деникин. Он взял Харьков, он стал, казалось, что...

В. Д.: Он там был недолго, месяца полтора.

С. Г.: Нет, он немножко больше, не полтора, что вы! Он был больше! Когда наступал Деникин, то вся власть советская оттуда стала выезжать. Он еще наступал, он город не брал. Если бы он взял город, то все были бы перебиты. И там был Манделштам. Это партийный работник, который был тоже с Гастевым вместе в Иванове. Он очень милый был человек. Я его знала, я с ним встречалась в Москве здесь и там знала. А Гастеву он был старый товарищ, они были вместе в Иванове, когда была стачка Ивановская.

В. Д.: Вы о ней говорили.

С. Г.: Да. Нам надо было уйти, сначала уезжали, а потом и пешком уходили из Харькова. Я в это время заболела, причемкак-то так заболела, что мне никак нельзя было встать. Нам пришлось где-то перебыть какое-то время, очень небольшое. Мы ушли в самый последний момент, но мы знали, что они едут в Николаев.

В. Д.: Кто они?

С. Г.: Что все партийцы едут, часть из них, во всяком случае, поехала в Николаев, часть — в Одессу. Я не могу сейчас точно восстановить, но мы договорилась, по-моему, с Манделштамом, что как только я поправлюсь, мы постараемся приехать в Николаев.

В. Д.: Простите, какой Николаев, когда Николаев — на юге?

С. Г.: На юг мы и поехали! На юг. Никуда нельзя было ехать.

В. Д.: На юге-то там... Ах, вы при белых хотите?

С. Г.: Там еще никаких белых не было.

В. Д.: Николаев и Одесса — это все...

С. Г.: Потом! Потом это. Потом! Понимаете, нужно было куда-то скрыться, а не то что уехать мирным образом. Мы поехали в такое место... Я даже немножко, может быть, тоже и путаю. Потому что мы остались одни, и мы не знали, куда броситься. Гастев сказал: «Ткнем на карту пальцем и туда и поедем!» На юг, куда? Ну, такое незаметное место нам показалось Николаев: какая-то на окраине, где-то там дыра. Мы туда поехали. В Николаеве он даже работал на заводе «Наваль». Наше счастье, что мы сразу устроились.

Город небольшой, показался нам страшно провинциальным. Почему-то не было настроения искать комнату в городе: казалось, что все очень на виду, а мы все ж таки скрывались! Кто-то там был знакомый. Вот мне мерещится, что там был Мандельштам, прежде чем он в Одессу поехал, я не помню. В общем, кто-то нам посоветовал, и мы поехали. Там в шести километрах от Николаева есть дачная местность Спасское. Может быть, даже не в шести, а меньше, потому что пешком мы ходили. От города и обратно ходили пешком. На берегу Буга дачное место, изумительное. Вот мы пошли туда. Где-то мы в гостинице оставили свои вещи, тогда еще это было возможно. Правда, у нас этот открыл чемодан и вытащил часть мужских вещей, но все ж таки мы пошли туда.

Мы сняли дачу очень роскошную. Там только сторожиха в маленьком домике жила на территории дачи. Украинка, самая такая заядлая украинка, самая такая заметная, говорила по-украински, и все. «Не знает ли она, где сдают что-нибудь. Нам надо лето провести», — так себя рекомендовали, что нам надо лето на даче провести. Она очень словоохотливая. Она нам сразу рассказала, что хозяев этой дачи нет, что хозяева оставили дачу адмиралу Бострему. Был такой адмирал Бострем. Он был уже в отставке. Он с женой жил на этой роскошной даче. Кроме этой дачи на самом берегу Буга, там высокий берег Буга, стоял домик из двух маленьких комнаток, знаете, как игрушечный. На самом берегу он стоял, назывался «Ласточкино гнездо», с комнатами он был.

В. Д.: Ну, понятно, понятно.

С. Г.: Она говорит, что они хотят сдать это. Мы говорим, что мы возьмем этот домик. Там не было ни плиты, ничего, — это летняя такая дачка маленькая. Она говорит: «А плита в большом доме есть, но я туда не хожу. Думаю, что жильцам туда будет не очень хорошо, но я у себя там топлю». У ней там кухонька была. «Там вы сможете приготавливать, если что будет нужно». И мы сняли это на лето.

Конечно, нас это спасло. Иначе там приходили и григорьевцы, и кто хотите. Это можно час рассказывать, что пришлось перенести. Один раз пришли григорьевцы, захватили место, а у ней был сын, молодой парень. Как я понимала даже тогда, что он был вроде красным, но он скрывал это, молодой был парень.

В. Д.: А эта местность была занята разными белыми.

С. Г.: Она переходила из рук в руки. При нас вдруг Григорьев, новая власть пришла и стала ездить как раз мимо этого Спасского и заводом «Наваль». Гастев случайно встретил в Николаеве работающего на заводе «Наваль» инженером своего знакомого. Я фамилию сейчас забыла, но это были нам знакомые люди. Они жили около завода «Наваль». Он там постоянно работал и жил всю жизнь. Ему опасаться было вообще нечего. Люди они были оседлые, и они всячески нам покровительствовали.

Когда пришли белые, то я страшно нервничала, что он пойдет на завод, а он нервничал, что я останусь здесь. Я тогда не работала, когда мы были там. Что я тут останусь, а белые... Не белые, а это были григорьевцы — одна из банд, которые, не разбирая в чем дело, старались кого-нибудь расстрелять, кого возможно.

В. Д.: Играли.

С. Г.: Да. Так мы договорились, что как только утихнет, он придет за мной, а я чтоб не высывалась. Я сидела дома, а потом все-таки не утерпела, меня грызло беспокойство, и я пошла. Это по линии железной дороги.

В это время поезд идет, стоят эти самые дяденьки и так держат на прицел винтовки. Я шла довольно в отдалении, думаю: сейчас меня снимут или нет? Я шла елико возможно спокойней.

Можете себе представить, что я прошла совершенно благополучно туда. Когда я уже подходила к заводу, он шел мне навстречу. Он не вытерпел. Он узнал, что тут уже движется поезд, просто очень беспокоился и шел навстречу. Мы там остались на целый день. Мы там обедали, они нас непустили.

Ну, они там продержались пару дней. Сколько они там продержались, я не помню. Они как-то пришли с обыском. И этот парень, сын, видимо, ему нужно было спрятаться, забежал к нам и что-то велел передать матери. Матери не было дома. Мы сразу поняли, что нужно как-то его покрыть. Он испарился, как будто сквозь землю провалился. Они уж там знали, куда прятаться. И они пришли искать. Кого они искали, так и неизвестно. А она пришла в это время. Я ей шепнула, что сына нет, что он вам велел передать, чтобы вы не беспокоились, он пошел, куда нужно. А я держалась в кухне у нее, старалась что-то стряпать, чтобы меня не приметили, а Гастев был в нашем «Ласточкином гнезде».

Так они стали ее спрашивать, кто это такие? «Да это моя племянница», — что-то она сказала ни к селу ни к городу. Они все ж таки пошли, осмотрели, зашли к нам. Гастев был так по-домашнему, даже босиком, по-моему, почему-то: было жарко! И они спросили, не выдали ли мы, тут парень должен быть. «Никого не видел, здесь никого нет». И они ушли. Парень этот,

как только они испарились из Николаева, вернулся цел и невредим.

Отъезд в Одессу

И мы там прожили. Он работал на заводе «Наваль». Мы там прожили до того, как стали... Нужно было куда-то убраться, потому что стал наступать Деникин. Он раньше не двигался, а тут он стал наступать. Мы же в мешке, некуда было деваться, мы решили как-нибудь поехать в Одессу. И самый лучший путь тогда мы избрали: мы пошли на пароход и в качестве пароходных пассажиров поехали. Там ехало очень много народа. Кстати, выступал Вертинский почему-то на этом пароходе. Он ехал и выступал с какой-то компанией, вообще, настроение у него было отнюдь не советское. Да, Вертинский.

В. Д.: Он же потом уехал за границу?

С. Г.: Потом он уехал. Он вот ехал на этом пароходе в Одессу. А нам некуда было деваться — только в Одессу, но пробраться в Одессу было довольно сложно. Мы решили на пароходе. Приехали благополучно, сняли комнату в самом центре на Дерибасовской. Установили связь, там уже был комитет подпольный и все было. Там много людей погибло, между прочим, и Мандельштам там был...

О расстрелах в Николаеве по приказу генерала Слащёва

Когда мы были в Николаеве, там был такой случай. Там появились уже белые, надо было уходить так, как будто мы едем из одного маленького города в другой. Там вообще двигается народ: кто в Херсон едет, кто куда. И там в одну ночь началась пулеметная стрельба, где-то буквально рядом казалось. Нам казалось, что прошло два часа, может быть, меньше прошло, но стреляли...

А что оказалось наутро. Генерал Слащёв там — и расстреляли в эту ночь не то шестьдесят пять, не то шестьдесят семь человек, я точно не помню последнюю цифру. Расстреляли! Просто набрали, ходили с обысками, ловили на улицах, конечно, евреи попадались под руку, и всех заграбастали. Ночью их всех расстреляли кучей.

Причем там был такой газетный репортер. Его фамилия не те Горохов, не то Грохольский, вот такая фамилия. Мы его знали. Он был, если так можно выразиться, советский человек. У него был младший брат, который вообще нигде не был, он был почти подросток, молодой человек. Его каким-то образом завели в эту кучу народа, которую постепенно набрали, и к ночи привезли туда за Спасское. Между Спасским и заводом «Наваль» — пустынное место. Ночью их всех расстреляли. Они расстреляли и ушли, оставили эту кучу тел валяться. Этого парня, брата корреспондента, его ранили оказывается, и на него упали другие. Он таким образом остался живой, но очень сильно раненый. Он выполз! Человек же даже из кучи мертвецов вылезет, раз он живой. Он очнулся и стал вылезать, прополз очень большое расстояние. И какая-то женщина местная пошла не то корову доить, не то что-то такое, она его подобрала, спрятала и выходила. Эта история сразу распространилась и стало известно.

Я вам должна сказать, когда я попала в Москву в 40-е годы во время войны, после того как я из лагеря вернулась, когда я прочла через какое-то время, я точно не помню, в газете вроде некролога⁹ что-то насчет Слащёва... Он ведь был у нас здесь, работал в Военной академии потом.

⁹ Белый генерал Яков Александрович Слащёв-Крымский был убит в Москве 11 января 1929 года.

В. Д.: Слащёв был белый генерал?

С. Г.: Белый генерал, да. Вы думаете, он один был? Вероятно, были и другие.

В. Д.: Разве он у нас работал?

С. Г.: Он у нас работал, и о нем был некролог. Я была тогда в таком положении, довольно пиковом, и вообще все то, что моя семья перенесла, что мы вообще все перенесли... Когда я это прочла, у меня было такое настроение, что зачем жить вообще? Есть ли справедливость в мире? Но потом я подумала, что именно поэтому и нужно жить, что есть справедливость.

О Викторе Перцове

В. Д.: Так, уже все кончается. Я думал, что вы расскажете о его литературных, но вы ничего не сказали.

С. Г.: Ах, о литературных? Но я еще могу вам рассказать. Если вам трудно, я могу к вам приехать. Я не хочу, чтобы вы так утомлялись. Но я таки виновата.

В. Д.: Вы обещали подготовиться.

С. Г.: Ну, понимаете, не вышло. Я почему-то не думала, что вы...

(Перерыв в записи)

В. Д.: Так, значит, о Федоре Калинине вы сказали, о Бессалько сказали, что вы не помните. Он работал вместе с Перцовым, нет?

С. Г.: Работал, конечно, Перцов поступил к Гастеву еще молодым студентом.

В. Д.: А Гастев преподавал, что ли?

С. Г.: Нет, он поступил в комитет искусств. Комитет искусств занимался главным образом, ну, кроме охраны этих памятников, просто чтобы не разворовали то, что там было...

В. Д.: Значит, Перцов тоже жил в Харькове, да?

С. Г.: Он работал у Гастева в одном из отделов как сотрудник.

В. Д.: Связи Гастева с Керженцевым?

С. Г.: С Керженцевым? Насчет Перцова я могла бы вам сказать подробнее, но не знаю, нужно ли. Вообще, вы что о нем хотите?

В. Д.: Он сейчас видный литератор.

С. Г.: Ну я знаю! Он и здесь работал в ЦИТе одно время у Гастев. Потом я его не видала все время, пока мы были, так сказать, изгоями. А потом, когда мы появились на арене, он сам нас как-то нашел. В общем, я вам скажу, он пригласил торжественно меня и сыновей. Лёша — мы не знали где. Мы пошли с Юрой к нему. Они нас торжественно кормили обедом. Когда как-то зашел разговор, где я была вот в такое-то время, я ответила, что ходила по ночлегам. Верно, мне негде было ночевать. Я ночевала иногда бог весть где, вплоть до вокзалов. Так он сказал: «А почему вы к нам не пришли?» А у меня не очень-то хороший характер, я сама знаю, но я вообще...

В. Д.: К Перцову — правильно, что не пришли.

С. Г.: Вы знаете, что я ему сказала? Юра тут сидел, и они нас принимали бог знает как. Дети при них родились, и они считали себя... Гастев был в таком положении, что, конечно, Перцов...

В. Д.: Не упоминал.

С. Г.: Да, ему это импонировало. Надо сказать, что он все же таки в литературе кое-что, по-моему, понимает, но я его не считаю таким великим, как он из себя строит. Но это неважно. Но отношения, особенно со мной, попроще, по возрасту мы, не знаю, примерно ровесники. Во всяком случае, я его знала молодым, и он меня знал молодой. И так сохранилось как-то отношение, но в первое... Я приняла приглашение. Мы пошли, мы там обедали, но когда он задал мне за обедом этот вопрос, так я ему сказала: «К вам? Да вы бы меня на порог не пустили».

В. Д.: Правильно.

С. Г.: Юрка тоже — я всегда говорю, что об него можно спички зажигать. Он нервный и очень резкий бывает. Так он стал меня дергать. Я говорю: «Да что ты! Я говорю то, что я думаю. Всегда говорю».

В. Д.: Конечно, правильно!

Семья Гастевых с детьми Петром и Алексеем. Конец 1920-х гг. Собрание А. Ткаченко-Гастева

О Платоне Керженцеве

Вы с Керженцевым...

С. Г.: Мы были знакомы, мы встречались часто в домах отдыха.

В. Д.: Гастев его ценил или нет?

С. Г.: Как вам сказать? Он немножко считал дилетантской эту его — вот насчет организации труда работу. Вообще, он все-таки его считал очень порядочным человеком, был в хороших личных отношениях. Это тоже определяет какое-то отношение. Мало ли кто там. Во всяком случае, у него была такая определенная карьера, и никому он плохого, между прочим... Надо отдать ему справедливость, что он был приличный человек, потому что много оказалось людей, которые себя вели очень плохо.

В. Д.: К Керженцеву Гастев относился положительно, так?

С. Г.: Да. Отношение к Керженцеву вполне положительное было.

В. Д.: У Маяковского упоминается Гастев и Керженцев вместе в одном стихотворении¹⁰: «Где вы, Гастев с Керженцевым?!»

¹⁰ Стихотворение Владимира Маяковского «Нагрузка по макушку».

С. Г.: У Маяковского? Маяковского Гастев просто уважал и любил, и Маяковский с Гастевым считался.

В. Д.: Громче.

С. Г.: Мне кажется, нет человека, который бы его не любил.

В. Д.: Маяковского?

С. Г.: Он очень интересный, умный человек. Он великолепный писатель. Гастев бывал в ЛЕФе, и там обсуждали его вещи. Они очень положительно относились к его творчеству. Одну встречу я помню. Он пришел домой и говорит: «Знаешь, кого я встретил на улице Герцена?» Он почему-то очутился пешком на улице Герцена, редко такое. Он встретил Маяковского. И вот он мне просто...